

Пропавшая невеста

Автор:

[Белла Эллис](#)

Пропавшая невеста

Белла Эллис

Тайны сестер Бронте

Йоркшир, 1845 год. Слух о жестоком убийстве потряс вересковые пустоши. Убита молодая Элизабет, только что ставшая второй женой Роберта Честера, – но тело пропало, осталась лишь огромная лужа крови. Это поразило Шарлотту, Эмили и Энн Бронте, дочерей скромного пастора, изнывающих от скуки в отцовском доме. Они решают освоить новомодную профессию детектива, которая и мужчинам-то не всем по зубам. Изобретательно расследуя таинственное исчезновение, на каждом шагу сестры Бронте сталкиваются с устоями общества, где считается, что женщине место только на кухне и в супружеской постели.

...Когда убивают женщину, никто не встает на защиту несчастной, просто еще одна жизнь гаснет, словно свеча на ветру, и это считается в порядке вещей. Покойной Элизабет нужен голос, и сестры Бронте станут им...

Белла Эллис

Пропавшая невеста

Bella Ellis

The Vanished Bride

© Екимова Н.В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Порой сердца переполняют

Надежды, тайные мечты;

Когда секрет их раскрывают,

Не остается красоты[1 - Перевод Фриды Шутман.].

Шарлотта Бронте, «Вечерние утехи».

Дом пастора в Хоэрте, декабрь 1851

Плотнее закутавшись в шаль, Шарлотта передвинула подставку для письма и вновь обмакнула перо в чернила. Но, как это случалось уже не раз, рука зависла над чистым листом, словно писать было невыносимо в лишенном радости доме.

Стояла тишина, даже огонь в камине горел бесшумно и тускло. Папа? был у себя в кабинете, как и почти всегда в последние дни. Табби с Мартой ушли на кухню запереть окна и двери на ночь, хотя часы на лестнице показывали всего семь. Темнота уже навалилась на маленький дом снаружи и со скрипом терлась тяжелой шкурой о стекла. В трубе громко выл ветер, но Шарлотта слышала лишь молчание. Чувствовала лишь пустоту. Знала лишь утрату.

Любимого пса Эмили, Кипера, тоже не было, никто не нарушал тишину сопением и лаем, не тянул Шарлотту зубами за подол. Зато она больше не видела его глаз, когда пес, услышав, что открывается дверь, смотрел на нее с мольбой и надеждой – вдруг войдет хозяйка; да и сама Шарлотта, почувствовав свежую струю воздуха из передней, не оживлялась, зная: Эмили не вернется с прогулки по пустоши. О, как ей не хватало их бывшего товарищества и поддержки, которые, как казалось раньше, будут с ней всегда!

Как недавно и в то же время неизмеримо давно кончилось то время, когда она делила с сестрами и братом не только отцовский кров, стол, но и всю жизнь. Здесь они говорили, писали, любили и раздражали друг друга так неистово, что весь мир, казалось, почтительно отступил, ожидая, когда же они насытятся обществом друг друга.

Здесь они смеялись и спорили, пока Шарлотта писала «Джейн Эйр», а ее сестры – свои романы, и никто не догадывался тогда, какие бури и невзгоды ворвутся вскоре в их скромную, незаметную жизнь. Теперь, когда Эмили, Энн и Бренуэлл отошли в лучший мир, существование в одиночестве стало для Шарлотты обузой.

И все же...

Уголки рта Шарлотты изогнулись в слабом подобии улыбки, когда она стала вспоминать приключения, которые выпали на их долю, тайны, которые они раскрыли, и секреты, которые они сохранили.

По обе стороны океана, в светских гостиных Лондона и на званых вечерах Нью-Йорка, только и разговоров было, что об «этих сестрах Бронте», которые осмелились показать в своих романах таких страстных и гордых героинь. Сначала многие усомнились, что так писать о женщинах могли мужчины, позже, когда псевдонимы были раскрыты, другие наотрез отказались верить в то, что авторами этих книг были женщины, ибо что могут они знать, тем паче рассказать о жестокости и беспросветном мраке?

В который уже раз Шарлотта улыбнулась, думая о том, как мало знали о них эти люди. Как далеки от истины были их представления о ней и ее сестрах.

Сестры и брат умерли. И никто не знал их так, как Шарлотта. Ни одно воспоминание обо всем страшном и необычном, свидетелями чего им довелось стать, не было доверено бумаге, а письма, которые могли бы пролить свет на их приключения в поисках тайны и ключа к ней, Шарлотта своими руками предала огню, все до единого.

И когда, по бесконечной милости Создателя, Шарлотта отправится на встречу с сестрами и братом, все произошедшее с ними в то волнительное и славное время – последние годы, которые они провели вместе, – умрет с нею. Никто

никогда не узнает об их приключениях. О том, что за тонким стеклом, дрожавшим в оконной раме при каждом порыве ветра, она видела все человечество, которое мчалось вперед со скоростью урагана, увлекаемое вихрями жизни и смерти. И все его тайны, даже самые мрачные, были перед ней как на ладони, главное – знать, куда смотреть.

Чуть заметно улыбнувшись, Шарлотта поднесла к бумаге перо, вновь готовое к сотворению мира из чернил, и подумала, что не было на свете человека, который прожил бы такую богатую приключениями и опасностями жизнь, как они – три сестры из безвестной деревни посреди продутой ветрами, дикой вересковой пустоши.

Такова их тайна, которая никогда не будет раскрыта и навсегда сохранит свою прелесть.

Пролог

Сначала Матильда Френч увидела вот что: из-под двери в коридор медленно текла густая темная жидкость, и ее было много. Озадаченно поглядев на нее, девушка почувствовала запах железа, как в тот день, когда умерла мать, и она поняла – это кровь.

Матильда не завизжала и не потеряла сознание, сделав такое неожиданное и страшное открытие в предутренней сонной тишине – нет, она застыла, потрясенная. А после, словно под действием месмерической силы, протянула руку к двери и, как всегда, дважды постучала в нее костяшками пальцев.

– Мадам? – Подошвы ее туфель щелкали по липким половицам, коридор был темен, в углах затаились тени. Голос изменил девушке, и она шепотом задала вопрос, бессмысленный перед лицом открывшегося ужаса: – Миссис Честер, у вас ничего не случилось?

Девушка толчком распахнула дверь и увидела пустую комнату, где не было ни следа хозяйки, зато крови столько, что у Матильды невольно захватило дух: как

бы не захлебнуться.

Когда ее глаза привыкли к полумраку, она разглядела, что кровать хозяйки пуста, а постель от подушки до изножья залита чем-то похожим на чернила: словно огромная бабочка опустилась на середину и распростерла чудовищные крылья по краям.

Дрожа и все еще задерживая дыхание, Мэтти прошла через комнату к окну, где раздвинула тяжелые портьеры, щелкнула задвижкой, впуская в комнату холодный сырой воздух, и лишь тогда сделала судорожный вдох. Первый робкий свет раннего утра просочился в комнату, когда Мэтти нашла в себе силы повернуться лицом к пустой постели, и очевидность открылась ей во всей своей ужасающей наготе.

Здесь произошло убийство.

Глава 1. Шарлотта

Хоэрт, 1845

– Эмили, не стой здесь, – со смехом воскликнула Шарлотта, врезавшись в спину рослой сестры, которая так глубоко ушла в свои мысли, что сама не заметила, как остановилась. – Нашла время!

В последние недели у них троих вошло в привычку ходить вокруг маленького обеденного стола, вслух проговаривая свои мысли, прядя ниточку каждой своего замысла, покуда им не начинало казаться, что слова повисают у них над головой в облаке дыма от камина, освещенные его пламенем.

Название «столовая» было слишком торжественным для этой комнаты: и без того узкая, она стала совсем тесной, когда сюда внесли нарядный круглый стол и потертый черный диван. Обои выбирала Шарлотта, она же повесила над диваном портрет своего героя, адмирала Нельсона: надменно приподняв аристократический нос, он смотрел на них сверху вниз и хотя с пренебрежением, но все же наблюдал за их жизнью.

– Шарлотта, я тут подумала... – Эмили повернула голову и взглянула на сестру чудными серо-голубыми глазами, которым та всегда завидовала. – Да, это хорошая мысль, даже отличная, дай-ка я ее запишу, пока не забыла. Пусти. – Отодвинув стул, она села и склонилась над листами бумаги, лежавшими как раз на букве «Э», которую сама Эмили, еще совсем малышкой, вырезала в столешнице красного дерева. Другой отец непременно высек бы дочь за такой проступок, подумала Шарлотта и вспомнила, как сестра, сообразив, что натворила, целое утро прикрывала ладошкой испорченное место. Но им повезло: их папа увлеченно учил своих детей, развивал в них склонности к творчеству, и потому поцарапанный стол оказался для него сущим пустяком в сравнении с тем, что его дочь пишет свои первые буквы.

Сдерживая улыбку, Шарлотта и Энн переглянулись и снова пошли вокруг стола, причем за ними увязалась любимица младшей, собачка Флосси. Тем временем Эмили, нетерпеливо скрипя пером, поверяла свои мысли бумаге с такой же страстью, с какой делала в жизни все. В камине весело потрескивал огонь, а за окнами пасторского дома поливал дождь, да так, что капли барабанили в стекло, будто кто-то бросал в него галькой, пригоршню за пригоршней. Ниже по склону холма съезжился на жестоком ветру Хоэрт.

Стояло обычное йоркширское лето.

– Ничего сегодня не выходит, – разочарованно вздохнула Шарлотта, подошла к окну и стала глядеть на разбросанные по склону могильные камни – те так накренились вперед, в сторону церкви и деревни, словно их толкали мертвецы, торопясь выбраться из-под них и вернуться домой. – Голова, как чистая страница, такая же пустая и бессодержательная. Точнее, содержимое в ней есть, но это все чувства, а они мешают мысли. Пары приличных строк, и то не сочинить.

– Ну так научись думать чувствами, – бессвязно бросила Эмили, пока ее перо плясало по бумаге, оставляя на ней корявые, испещренные кляксами строки, которые неизменно приводили в отчаяние аккуратную Шарлотту. Зато Эмили непринужденно заполняла своими стихами целые тетради, ревниво храня их от всех. Больше всего она писала о Гондале, фантастическом королевстве, которое они с Энн придумывали в детстве, когда Бренуэлл и Шарлотта создавали свою Англию. Шарлотту особенно поражало страстное упорство сестры, продолжавшей жить в выдуманном мире, хотя Бренуэлл, Шарлотта и даже Энн уже давно оставили позади детские сказки. Куда бы ни отправилась Эмили,

вокруг нее тотчас возникал Гондал, жители которого значили для нее не меньше, чем люди из плоти и крови, с сердцами, бьющимися в груди. Больше того, всякое столкновение с неизбежными требованиями повседневности Эмили рассматривала как большое неудобство. Ее воображение было ее свободой, с завистью понимала Шарлотта, сожалея о собственной неспособности оставить заботы брэнного мира и целиком уйти туда, где все совершается по ее воле. Туда, где никто не разбил бы ей сердце.

– Садись, отдохни. – Рука Энн скользнула под локоть Шарлотты – малышка точно знала, о чем, вернее, о ком грустит старшая сестра, хотя и ни за что не осмелилась бы произнести его имя вслух, так же как Шарлотта никогда не осмелилась бы его назвать. Но каждый ее лишенный упругости шаг, каждое движение и взгляд, – все выдавало ее потерю и тоску по тому, с кем она не могла быть. – Займись чем-нибудь, что тебя развлечет: почитай книгу или вот лондонскую «Таймс», – номер совсем свежий, всего двухдневный, и в нем есть любопытная статья о новой профессии «детектив», который решает преступные загадки.

– Наверное, ты права, Энн, – кивнула Шарлотта, опускаясь на стул напротив Эмили. – У меня действительно есть несколько писем, которые требуют ответа.

Шарлотта думала о последнем письме своему бывшему наставнику, месье Эгеру: она вложила в него всю себя – и душу, и тело. Но он не ответил. Напрасно она живописала мучения своего разбитого сердца, напрасно молила хотя бы о крохе сострадания – он не ответил. Да и как он мог? Ведь он человек женатый. Но все же... Закрыв глаза, Шарлотта сосредоточилась на душевной боли, готовой в любую секунду выплеснуться наружу, представила ее в виде листа бумаги, мысленно сложила его в несколько раз, затем расправила, вновь сложила, так что он стал крохотным, как те игрушечные книжки, какие они делали в детстве, и засунула его в щель между кирпичами непробиваемого спокойствия, стеной из которых она окружила себя в последнее время. Если бы она этого не сделала, несчастье поглотило бы ее целиком, задушило бы ее. Так она находила в себе силы терпеть ту боль, которую доставляла ей безответная любовь, и выносить безразличное молчание возлюбленного.

– Держитесь крепче, сестренки. – Дверь распахнулась, и в комнату шагнул Бренуэлл, а с ним и ненастный вечер – капли дождя стекали по носу брата, красно-рыжие волосы прилипли к бледной коже, одежда распространяла крепкий запах пива и табачного дыма. – Бросайте свою глупую девчачью

болтовню и готовьтесь выслушать ужасающую весть!

– Что, в «Быке» наконец-то кончился джин? – Эмили окинула брата взглядом, когда тот опустился рядом с ней на стул и встряхнулся, точно мокрый пес.

– До Хоэрта дошел слух о том, что совершилось убийство. – При этих словах глаза Бренуэлла сверкнули кровожадным восторгом. – Мне рассказал об этом парень, который разливает в «Быке» пиво, а ему рассказал возчик, который доставляет эль в гостиницу в Арунтоне: там, поблизости, все и случилось. Вчера всего в нескольких шагах от нашей с вами двери было совершено страшное, кровавое преступление. Преступник скрылся с телом, ни больше ни меньше, и, возможно, прямо сейчас крадется в темноте у нас под окнами.

– С мертвым телом в обнимку? – нахмурилась Эмили. – Не слишком удобно красться, когда на тебе висит труп.

– В Арунтоне? Боже мой! – воскликнула Энн и вскинула руку к горлу. – Как страшно знать, что совсем рядом творятся подобные жестокости.

– Милый Бренуэлл, будет лучше, если ты станешь придерживаться фактов, а не стараться напугать нас до полной потери соображения, – осадила брата Шарлотта. – Кто же стал жертвой?

– Некая Элизабет Честер, супруга Роберта Честера из Честер Грейндж. – Бренуэлл откинулся на спинку стула. – По крайней мере, так предполагают.

– Что значит «предполагают»? – раздраженно набросилась на него Шарлотта. – Бедная леди либо жива, либо убита – никакой середины тут просто не может быть.

– И вот тут, дорогая Шарлота, ты как раз ошибаешься. – Бренуэлл погрозил ей пальцем. – Ибо в ранние часы сегодняшнего утра в спальню второй миссис Честер вошли и обнаружили там море крови и никаких следов ни хозяйки, ни ее бранных останков. Конечно, предполагают, что это ее кровь, но наверняка ничего сказать нельзя, поскольку иных следов леди не оставила. А ведь она всего год как вышла замуж.

– Как ужасно, – сказала Энн. – То есть ее взяли и унесли? Какой кошмар!

– Как интересно, – добавила Эмили, ее глаза блеснули. Шарлотта еще не знала, ужасаться ей, как делала Энн, или не скрывать любопытства, как Эмили, когда ее посетила страшная мысль.

– Честер Грейндж! – Она схватила Эмили за руку. – Это тот дом, куда устроилась гувернанткой наша подруга по несчастью, Матильда Френч! Ты ведь помнишь Мэтти, Эмили, – ту девочку, которая была с нами в Кован Бридж, пока папа не забрал нас оттуда, и с тех пор мы с ней переписываемся. Господи, уж не она ли обнаружила следы преступления?

– Матильда – милая, робкая, почти без способностей, – да, я ее помню, – сказала Эмили, откладывая перо. – Представляю, каково это – проснуться и обнаружить, что, пока ты мирно спала в своей постели, убийца с ножом крался по коридорам и, может быть, под самой твоей дверью! Действительно страшно.

Но, судя по ее виду, Эмили ничуть не испугалась.

– Положим, нож ты придумала только что, – сказала Шарлотта, устремляя глаза к потолку. – Но все равно, бедная Мэтти. Она с этим не справится, я уверена, не справится. Надо немедленно ей написать.

Взявшись за перо, Шарлотта на мгновение замешкалась и тут же ощутила приятную дрожь предвкушения: в ее голове сложился план.

– Нет, я поступлю лучше. Я не буду писать, а поеду к ней, прямо с утра.

– Я с тобой, – сказала Эмили. – Мне всегда была так симпатична эта бедняжка Марта Френч.

– Матильда, дорогая, – поправила сестру Шарлотта. – До Честер Грейндж час ходьбы, если идти через холмы напрямую. Так что я буду рада любому спутнику, лишь бы этот человек не увязался за мной с единственной целью – поглазеть на чужое несчастье.

Эмили с тоской поглядела в окно, на дождь, в котором словно растворился город. Не верилось, что где-то за плотным пологом туч по-летнему ярко светит солнце.

– Хватит мне быть пленницей дождя и этого дома. Хочу на волю, и пусть я промочу ноги и даже замерзну!

Шарлотта взглянула на Энн: та сидела, сложив руки на коленях, и выглядела совершенной паинькой, какой ее и считали те, кто знал ее совсем мало. Но Шарлотта была уверена: кротость для младшей сестры – личина.

– Что ж, не могу же я отпустить вас одних, – сказала Энн. – В конце концов, кто-то ведь должен позаботиться о том, чтобы ваша затея выглядела прилично.

– Я тоже пойду, – пообещал Бренуэлл в широте душевной. – Кто-то должен защитить вас от сумасшедшего убийцы с ножом и все такое прочее.

– Ах, дорогой брат, – с легкой обидой в голосе возразила ему Энн. – Боюсь, что если дело дойдет до защиты, то скорее мы втроем прикроем тебя, чем ты станешь нам опорой. Так что, думаю, мы вполне можем обойтись без тебя.

– Ты все еще сердишься на меня, Энн? – спросил Бренуэлл так, словно с того дня, когда ей пришлось отказаться от места гувернантки в Торп Грин по причине бурного романа, который Бренуэлл, учитель рисования в том же доме, закрутил с женой хозяина миссис Робинсон, прошло не меньше тысячи лет. На самом деле брат и сестра возвратились в Хоэрт всего несколько недель назад, покрытые позором. Конечно, у Энн были основания сердиться на брата и за потерю заработка, и за тень, которая по его милости легла на репутацию всей семьи, однако Шарлотта поняла – едва взглянув на Бренуэлла, чье лицо выражало глубочайшее раскаяние и скорбь, сестра тут же пожалела о своих словах.

– Неужели это несчастное происшествие будет преследовать меня вечно? – сказал он. – Пожалуйста, прошу вас – дайте мне хотя бы на время забыть о том, что причинило мне такую боль, и сопровождать вас в вашей экспедиции, как раньше. – Он по очереди посмотрел на сестер. – Ну можно мне пойти?

– Да! – выпалила Эмили.

– Думаю, не стоит, – тут же возразила Шарлотта.

Эмили посмотрела на нее сердито, и Шарлотта сразу поняла почему. В последнее время слабость Бренуэлла к «Черному быку», да, по правде говоря, и к другим питейным заведениям Хоэрта стала куда более выраженной, чем раньше, и Эмили считала, что нужно любыми способами стараться удержать брата поближе к себе и подальше от крепкого алкоголя, хотя бы на несколько часов. Конечно, она была права, но...

– Почему? – возмутилась Эмили, взяв Бренуэлла за руку. – Что бы ни говорила Энн, мы трое – всего лишь слабые женщины, отправляющиеся на дальнюю прогулку без мужского сопровождения и защиты.

– Не помню, чтобы отсутствие мужской защиты когда-нибудь смущало тебя прежде, Эмили, – засмеялась Шарлотта и, повернувшись к Бренуэллу, мягко сказала: – Дорогой брат, не в этот раз. Если ты пойдешь с нами, то наш визит наверняка запомнится, а мы как раз не хотим привлекать к себе внимание. Так уж повелось в нашем мире, что люди всегда заметят мужчину, тем более такого красивого, как ты. Другое дело мы – три провинциальные старые девы. На нас никто и не взглянет лишней раз, а уж тем более не запомнит... Что нам сейчас как раз на руку. Может быть, втроем мы даже сумеем разгадать ужасную тайну исчезновения Элизабет Честер.

Шарлотта старательно избегала смотреть на Энн, зная, что младшая сестра внимательно следит сейчас за каждым ее словом и жестом, пытаясь понять, в какой степени ее намерение навестить Матильду Френч продиктовано заботой о подруге, а в какой – желанием отвлечься от своих бед. Ну и пусть, Шарлотта твердо решила – нельзя бросить Мэтти в беде лишь потому, что кому-то кажется, будто она затевает этот визит для собственного удовольствия.

– Что ж, – вздохнул Бренуэлл и растянулся на диване, уложив свои длинные ноги на подлокотник. – Значит, придется искать другой способ развлечь себя в ваше отсутствие, только и всего. Может, наведаюсь в «Черного быка».

– А может, лучше в церковь? – предложила Шарлотта.

– А может, «Черный бык» и есть моя церковь. – Бренуэлл усмехнулся, видя, как распахнулись от ужаса глаза сестры.

– Скажите, это на самом деле так страшно, – вмешалась Энн, отвлекая Шарлотту, – что мне приятно думать о нас троих как о невидимых дамах-детективах, отправляющихся на поиски истины? Мне кажется, что мы единственные в своем роде. Мама так нами гордилась бы.

– Детективах? – переспросила Шарлотта. – Какое любопытное слово.

– Ну да, именно так написано в той статье из «Таймс», о которой я тебя говорила. В последнее время полиция Лондона обогатилась полицейскими нового образца – умными, внимательными, вдумчивыми. Их называют детективами. Именно ими, мои дорогие сестры, мы и станем.

Глава 2. Эмили

Дом в Честер Грейндж возвышался посреди дикой пустоши, подобно древнему зверю: рогатому, колючему, едва пробудившемуся от векового сна.

Эмили влюбилась в него немедленно. Вокруг дома был разбит прекрасный террасированный сад по старинной моде, однако в последние годы Природа, видимо, решила взять свое и постаралась вернуть это рукотворное чудо в дикое состояние.

Там, где прежде зеленели подстриженные лужайки, ныне колосились дикие травы, а единственной дорогой, еще различимой среди сорняков и полевых цветов, была подъездная аллея, по которой шли теперь к дому сестры. Некогда элегантные террасы опутал вьюнок и плющ, из трещин в камне смотрели цепкие синеглазые барвинки и незабудки, так что контуры елизаветинской постройки, когда-то четкие, выглядели из-за них размытыми, словно написанными акварелью. Растения медленно удушали дом, грозя вскоре скрыть добрую половину окон.

Тем более очаровательным дом выглядел для женщины, которая привыкла встречать историю за каждым поворотом, ведь здесь тайна крылась буквально всюду – в зубцах и башенках, врезанных в низкое серебристое небо, набухшее новым дождем, в огромных валунах, разбросанных по траве так, словно когда-то

они были частью иной, более величественной постройки.

Тысячи голосов прошлого еще не затихли здесь, и каждый что-то нашептывал ей. Чем ближе подходили сестры к дому, тем шире становилась улыбка предвкушавшей приключение Эмили.

– Сделай одолжение, прекрати ухмыляться, как безумная, – резко сказала Шарлотта, затянутой в перчатку рукой беря Эмили за локоть. Лицо самой Шарлотты, обрамленное модным капором, было исполнено такой серьезности и даже чопорности, что Эмили против воли улыбнулась еще шире. – Эмили, я серьезно. Это дезорганизует, в конце концов, к тому же я не уверена, что Мэтти не покоробит от такого неприкрытого восторга и любопытства. Нам надо обойти дом и найти вход для прислуги – он приведет нас в кухню, где она уже должна ждать нас. И не забывай, Эмили, – мы скромные дочери священника с хорошей репутацией. Очень тебя прошу, научись придавать этому должное значение.

Эмили дернула плечом и пошла следом за сестрой, проявляя в целом несколько больше энтузиазма, чем пристало в сложившихся обстоятельствах.

Сзади дом выглядел таким же ветхим, как и спереди, но на скамье у кухонной двери, низко склонив голову и глядя на переплетенные пальцы, уже сидела Мэтти. Что она делала – молилась или просто думала, – Эмили не поняла.

– Мэтти! – крикнула она – специально, чтобы увидеть, как краска зальет щеки Шарлотты.

Матильда Френч вскинула светловолосую головку, вскочила и почти бегом бросилась навстречу подругам.

– Дорогая Шарлотта, – выдохнула она, слегка запыхавшись и обеими руками хватая руку подруги. – Ах, какая радость для моего сердца – видеть лица друзей! Милая Энн, дорогая Эмили, как я счастлива видеть вас в такое ужасное время, когда я просто не знаю, к кому мне обратиться за утешением!

Эмили вытерпела объятие, подметив, что кончики золотистых локонов Мэтти развились, а под голубыми глазами залегли фиолетовые тени. Шарлотта не

ошиблась, предположив, что перемены в Честер Грейндж окажутся непереносимыми для Мэтти. В раннем детстве бедняжка была единственной, горячо любимой дочерью своих родителей, потом в родах умерла ее мать, вскоре холера унесла отца, а дядя сделал все, чтобы раз и навсегда избавить себя от нежданно свалившегося на него бремени, и отослал племянницу в школу, где ее усердно готовили к стезе гувернантки; судьба, которой Мэтти не ждала и не желала. И вот в доме, где она нашла приют, случилась беда. Как ни тяжела была жизнь Матильды до сих пор, но к такому повороту событий бедная девушка не была готова.

Дети Бронте, напротив, с ранних лет росли без матери, зная, что смерть второго родителя разом лишит их и средств к жизни, и дома. Вот почему отец сизмальства учил своих отпрысков самостоятельности, и все четверо уже трудились в школах или в частных домах, пока этим летом судьба вновь не собрала их под его кровом. Всем сердцем любя отца за прозорливость, Эмили старательно гнала от себя мысль о том, что настанет день, когда и ей придется проститься с любимым домом, и втайне лелеяла надежду, что этого все же не случится.

– Идемте в кухню, – сказала Мэтти, беря Шарлотту за руку. – Жаль, что я не могу показать вам дом, но вы же понимаете почему...

– Почему? – тут же спросила Эмили.

– Мистер Честер очень огорчен исчезновением супруги и отсутствием всяких вестей о ней. А что слышали вы? Хозяина тревожат местные сплетники, он боится, что они навывдумывают всякого и помешают расследованию.

Голосок Мэтти, чистый, как язычок пламени, даже зазвенел от напряжения, едва они вошли в кухню, которая, как это ни странно для такого большого дома, была пуста. Наверное, прислугу отпустили по домам до конца расследования, решила Эмили, с любопытством разглядывая дверь, ведущую в главную часть дома, и гадая, что за чудеса скрываются за ней.

– Мы слышали, что в комнате не нашли ни следа миссис Честер, – ответила Шарлотта на вопрос Мэтти и осторожно добавила: – Зато было очень много крови.

– Это... верно. – Голос Мэтти дрогнул, но она тут же расправила плечи. – Я заварю вам чаю. Как я благодарна вам за то, что вы пришли меня навестить, – вы даже не представляете, до чего я вам рада. Понимаете, мне совсем не с кем поговорить, не к кому обратиться. Моей единственной подругой здесь... была миссис Честер, а я не понимаю, как можно потерять столько крови и выжить.

– Вы не одни, мисс Френч. – Эмили заметила, как Матильда сначала вздрогнула, и лишь потом обернулась на сиплый негромкий голос.

– Конечно, миссис Кроули. – Мэтти наклонила голову, отвечая старухе, которая, судя по всему, давно сидела в кресле у холодного очага. – Пожалуйста, простите мою оплошность. Позвольте представить вам Шарлотту, Эмили и Энн Бронте из Хоэрта, которые, услышав печальную весть, поспешили ко мне со словами утешения и поддержки.

– Сплетницы, значит. – Миссис Кроули во вдовьем платье, с черной наколкой на стального цвета волосах и в белых хлопчатобумажных перчатках плотно сидела в узком кресле, похожая на черную жабу на камне. Правую сторону ее рыхлого, точно опара, лица уродовал длинный выпуклый шрам. Вид у женщины был огорченный, но черные пуговицы глаз глядели пристально, и Эмили почувствовала, что, пока они трое приседали перед ней в реверансе, она успела оглядеть их от макушки до пят, оценить и отвергнуть как особ незначительных. И, возможно, она была права, что не делало ее пренебрежение менее болезненным.

– Уверяю вас, миссис Кроули, – сказала Шарлотта, и кровь прилила к ее щекам, – ни я, ни мои сестры не интересуемся досужими измышлениями. Все, чего мы хотим, – это утешить подругу в тяжелое для нее время.

– В вашем распоряжении кухня и сад, – сказала миссис Кроули Мэтти и рывком высвободила свое обширное тело из тисков кресла, так что ее крахмальные нижние юбки зашелестели громко, словно деревья на ветру. Когда миссис Кроули потянулась к стоявшему на полке цветастому фарфоровому чайнику, Эмили подивилась тому, что та и в помещении не снимает перчаток, что было необычно по меньшей мере. – Чай пейте из чашек для прислуги. К детям вернетесь к четырем часам. Сейчас не время уваливать от своих обязанностей.

Миссис Кроули вперевалку подошла к двери в дальнем конце кухни и распахнула ее. За ней оказалась комнатуха – Эмили успела заметить, что

полки вдоль стен занимали не книги, а украшения и безделушки, легкомыслие которых совсем не вязалось с этой мрачной женщиной: какая-то фарфоровая пастушка с овечками, начищенные до блеска серебряные наперстки, букетик полевых цветов в хрустальном бокале. Была там и фотография – предмет таинственный, редко виданный и потому неизменно пробуждавший в Эмили любопытство; на снимке был запечатлен лежащий младенец с закрытыми глазами. Но, как Эмили ни хотелось узнать, спит он или умер, заводить ради этого разговор с женщиной-жабой она все же не решилась.

– Я в своей гостиной, если понадобится, – сказала миссис Кроули. Ее слова прозвучали скорее угрожающе, нежели обнадеживающе, а Эмили снова сделала ей книксен, хотя лишь она одна знала, что он задумывался как издевка.

– Надо же, какая прелесть, – негромко сказала она, садясь за стол и беря с простой белой тарелки один из четырех ломтиков хлеба – Мэтти с виноватым видом разложила их веером.

– Расскажи нам, – начала Шарлотта, тоже садясь и бросая взгляд на оттопыренную щеку жующей Эмили, – как тебе здесь живется, дорогая?

Мэтти покосилась на дверь гостиной миссис Кроули и улыбнулась.

– Да, время сейчас и впрямь сложное, особенно для мистера Честера и милых деток.

Но, пока она разливала чай, ее рука дрогнула, и янтарная капля упала ей на запястье.

– Шарлотта, ты помнишь Кован Бридж?

Конечно, Шарлотта помнила Кован Бридж не хуже самой Матильды, Эмили нисколько в этом не сомневалась. Школа, куда папа отправил ее с сестрами вскоре после смерти матери, – разве такое можно забыть? Эмили и сама помнила ее слишком хорошо: жалкое заведение, полное жестокости и тьмы, где всякая попытка думать вызывала неодобрение, а любые проявления радости гасились, словно свечи. Там, в этой ужасной школе, завязалась дружба Шарлотты и Матильды, и там же Эмили и Шарлотта наблюдали, как их дорогих старших сестер Элизабет и Марию довели до того, что их пришлось на руках вносить в

экипаж, который увез девочек в Хоэрт, где те сошли в могилу, воссоединившись с покойной матерью. Страх перед той школой, которая, вероломно прикрываясь именем Господа, на деле была истинной юдолью скорбей, не оставлял старших сестер Бронте никогда. Даже став взрослой, Шарлотта иногда в ужасе вскакивала ночью с постели, когда ей снова мерещилось рядом ледяное тело умирающей сестры.

Так что ни одна из них, разумеется, не забыла Кован Бридж. Значит, вопрос Мэтти не случаен. Видимо, она хотела сообщить сестрам, что находится в таком же отчаянии и страхе, как в те дни, когда она была пансионеркой страшной школы. Эмили никогда не испытывала безнадежности более гнетущей и одиночества более глубокого, чем в то темное, внушающее ужас время, и, если Мэтти сейчас чувствует себя так же, как она тогда, значит, ей нужны друзья, те, кто будет помогать и поддерживать ее до тех пор, пока не выяснится вся правда о недавнем ужасном происшествии. Что ж, значит, Эмили станет ей таким другом.

– Мы с тобой, Мэтти, – сказала она. – Мы поможем тебе снова почувствовать себя под защитой.

И горе всякому, кто отважится встать у нее на пути.

Глава 3. Энн

– Поздоровайся, Арчи, – уговаривала Мэтти хорошенького малыша, которого держала на руках. – Скажи молодым мисс «здравствуйте»! – Но златокудрое дитя уткнулось носиком ей в шею, крепче обхватило ее ручонками и захныкало, а нанятая в помощь Мэтти девушка из деревни – кажется, Джейн, вспомнила Энн, – смотрела на обоих так равнодушно, как если бы гувернантка держала не ребенка, а куль с песком.

– Фрэнсис! – окликнула Мэтти мальчика постарше, который, стоя в высокой траве у пруда, так внимательно рассматривал деревья на том берегу, словно видел среди них что-то недоступное взрослым. – Фрэнсис, подойди, пожалуйста, к нам и поздоровайся с моими подругами, как я тебя учила.

Но Фрэнсис точно не слышал: он не шелохнулся и не отвел глаз от теней на том берегу, даже когда Эмили подошла к нему и, отыскав на берегу кое-какие камушки, стала бросать их в застоявшийся пруд, куда они падали с громким «плюх». Шарлотта пошла было за сестрой, но отстала, заслушавшись птичьей песенкой, которая доносилась из кроны вишневого дерева.

– Дети, должно быть, очень напуганы, – сказала Энн, когда Мэтти передала ребенка Джейн, и та направилась с ним к Фрэнсису.

– Да, старшему мальчику особенно тяжело, он был еще малюткой, когда умерла его мать, а теперь вот и мачеха... потерялась, – едва ли их вообще следовало оставлять в доме, где случилось что-то настолько непонятное и страшное. Малыши, конечно, не осознают, что происходит вокруг, но всегда чувствуют, когда что-то неладно.

Энн опустила глаза, вспомнив, как тянулись для нее дни, когда умирала мать: она сидела в маленькой спальне, окно которой выходило на фасад их дома – прежде комната звалась детским кабинетом, – отрезала от листа бумаги полоски и рисовала на них, коротая время. Вряд ли тогда она была намного старше Арчи, и все же те долгие часы навсегда запечатлелись в ее памяти галереей расплывчатых образов, нарисованных болью. Конечно, она не понимала, почему в доме так тихо, откуда этот приглушенный плач и отчего у отца такое измученное лицо. И по сей день она не знала ответа на вопрос, точно ли она сама запомнила все это или же столько раз слышала чужие рассказы о том, как это было, что они проросли в ней воспоминаниями. По крайней мере, теперь ей часто казалось, что это происходило с другой девочкой, а вовсе не с ней. Но одно она знала наверняка: если Господь благословит ее детьми, она предпочтет остаться в памяти своих сыновей и дочерей живым человеком, женщиной из плоти и крови, а не бестелесным духом, образом, сотканным из воспоминаний тех, кому посчастливилось знать и любить Марию Бронте при жизни. Но такова оборотная сторона материнства: каждый раз, исполняя свое природное предназначение и приводя в мир новую жизнь, женщина вновь и вновь рискует своей.

– Малыш Арчи ужасно скучает по мамочке, – рассказывала Мэтти. – Он как раз только научился звать ее и теперь зовет не умолкая. И не может понять, почему она не идет. И Фрэнсис... Бедный мальчик потерял мать и только стал доверять Элизабет, как и ее отняли. А их отец... он едва не потерял рассудок от горя,

детей почти не замечает.

– Разве нельзя было отослать их к бабушке с дедушкой? – поинтересовалась Энн и прикусила губу, глядя на Эмили, которая стояла подле хранившего непреклонное молчание мальчика.

– Мистер Честер не хочет. – Мэтти взволнованно покачала головой. – Он считает, что самое безопасное место для них – здесь, рядом с ним, хотя как он может так говорить, когда... – Она осеклась и продолжала уже тише: – Когда его жену, скорее всего, жестоко убили в ее собственной спальне, под крышей его дома? Да и вообще, разве всем нам не опасно быть здесь, пока убийца ходит на свободе?

– Мистер Фрэнсис, подите-ка сюда! – окликнула Джейн старшего мальчика, и тот, уставив глаза в землю, подошел к ней.

– А что, для раскрытия этой тайны что-то уже предпринято? – спросила Эмили, которая отошла от пруда и присоединилась к их прогулке. – Я ожидала, что в доме будет полиция, по округе будут разосланы отряды на поиски пропавшей, а тут тишина и покой.

– Приходил констебль, осмотрел комнату, – ответила Мэтти. – Нашел следы борьбы, простыни, разорванные в клочья, и столько крови... но как злоумышленник проник в дом и как потом вышел из него с миссис Честер, живой или мертвой, осталось непостижимым для всех, включая констебля. Он поговорил сначала с миссис Кроули, потом со мной, спрашивал, что мы видели и слышали, а после – с мистером Честером. Тот сказал, что в его лесу поселились цыгане, охотились на его дичь и, скорее всего, это они забрали миссис Честер, потому что сразу после ее исчезновения не стало и их. Так что констебль, наверное, ищет цыган.

– А ты их видела? – спросила Энн.

– Да, даже покупала вереск у одной старухи. Но только в деревне, а не в лесу. Мистер Честер запретил мне гулять там с детьми и велел держаться поближе к дому, пока цыгане не уйдут.

– Понятно, – сказала Эмили. – А где они стояли?

- Почти сразу за домом, - ответила Мэтти, - если идти в сторону Арунтонна.

- Значит, мистера Честера никто не подозревает? - спросила Эмили. - Хотя часто виновными в убийстве оказываются именно близкие жертвы.

- Неужели? А ты откуда знаешь? - насмешливо спросила сестру Шарлотта.

- Газеты читаю, - ответила Эмили. - И вообще, мужья, которые избивают своих жен до полусмерти, и детоубийцы с отравителями ходят мимо нашего дома каждый день.

Шарлотта поджала губы, но Энн знала: крыть ей нечем. Папа никогда не прятал от них темную сторону своей работы, да и простой прогулки по Мэйн-стрит достаточно, чтобы убедиться в правоте Эмили: люди всегда особенно жестоки к своим близким.

- Констебль не подозревает мистера Честера - даже и не думает, - сказала Мэтти. - Да и как иначе, ведь мистер Честер, по сути, платит ему жалованье, но... - Снова понизив голос, она склонилась к сестрам. - Когда мистер Честер еще был вдовцом, я целый год жила под одной крышей с ним и миссис Кроули. И привыкла знать его как человека честного и почтенного, который вызывал мое немалое восхищение. Он с большой любовью отзывался о своей первой супруге, сетовал на то, как ему не хватает ее общества, а потом... потом объявил, что решил жениться снова. И вот сразу после свадьбы его точно подменили... Как будто в нем все время таилось злобное чудовище, которое вырвалось наружу с появлением в доме второй жены.

- Так он был жестоким мужем?

- Очень, - ответила Матильда. - Непереносимо было видеть, как человек, которого я знала добрым и мягким, вдруг напускался на свою жену, такую молоденькую, почти девочку. Нанимая меня, он сказал, что его первая жена умерла от лихорадки, но это неправда. Всем в округе известно, что он - виновник ее смерти.

- То есть он ее убил?

– Нет... вернее, да, но не совсем. – Тут Мэтти обхватила себя обеими руками, чтобы сдержать дрожь. – Бедняжка Имоджен Честер покончила с собой, бросившись с одной из башен на крыше дома, и хотя в деревне почти все живут в страхе перед помещиком, который прогонит их с земли, скажи они хоть слово против него, между собой они шепчутся, что это он своей жестокостью довел жену до смерти.

– Бедная, несчастная женщина, – сказала Энн. – Как глубоко должно быть одиночество, чтобы живая душа отказалась от вечного блаженства пребывания рядом с Господом ради избавления от преходящей земной боли.

– От чего бы ни умерла первая миссис Честер, исчезновение второй жены при столь странных обстоятельствах иначе как несчастьем не назовешь, – сказала Эмили. – Две жены было у человека, одна мертва, вторая почти наверняка тоже.

– Причем из всех возможных подозреваемых лишь мистер Честер занимает такое положение в обществе, которое позволяет ему замести следы страшного деяния, – подумала Энн вслух. – Человека его круга никто не может заставить отвечать за убийство, кроме, конечно, Создателя.

– И все же никто не видел ее мертвого тела, – заметила Эмили. – Зачем прилагать такие усилия к тому, чтобы избавиться от него, когда можно просто взять и скрыть следы преступления?

– Возможно, ему помешали, – задумчиво предположила Энн. – Мэтти, а что ты видела и слышала в ночь убийства и в день перед ним?

– Днем все было как обычно, только миссис Честер неважно себя чувствовала и почти все время провела у себя, сославшись на дамское недомогание. Я готовила ей суп, чай и кое-какую легкую еду. А ночью разразилась ужасная гроза, – сказала Мэтти, и ее глаза затуманились воспоминанием. – Молнии так и сверкали, ветер едва не вырвал рамы из окон, – я почти не сомкнула глаз, но дети спали спокойно. Звуки бури еще усиливались самим домом – подоконники гудели под ударами дождевых струй, в дымоходах выл ветер. Мне показалось... что кто-то кричал, но я не знаю. – Она взглянула на дом, но тут же отвернулась, как будто один его вид вселял в нее ужас. – Здесь каждую ночь что-то скрипит, стонет, и вообще бывают разные... явления.

– Явления? – Эмили склонила голову набок, и Энн заметила в ее глазах знакомый блеск. Ах, до чего же сестра любила разные таинственные явления.

– Это ведь очень старый дом, – смущенно продолжила Мэтти. – Половицы скрипят, стекла дребезжат в рамах, а иногда, в холодную погоду, огонь в камине горит, но совсем не греет, и в комнате так промозгло, что даже пар изо рта идет. Вот почему ночами, когда не спится, тут чего только не услышишь – то будто кто-то крадется по коридору, а то плачет в запертой комнате. Джейн никогда не остается ночевать на мызе, боится увидеть покойную миссис Честер. Поэтому я не знаю, что именно слышала в ту ночь – может, кричал человек, а может, сова ухала или лиса тьякала.

– А кто первым обнаружил кровавую сцену? – спросила Энн.

– Я. – Голос Мэтти дрогнул, она потупилась. – Вообще-то при малыше ночью должна быть няня, но мистер Честер не хочет, чтобы в доме жил кто-то еще, кроме миссис Кроули и меня, ему все мешают. Да и миссис Честер считала, что должна проводить с малышом всякую свободную минуту, как и положено матери. Она часто говорила, что материнство – это честь, которой следует дорожить. Она очень любит малыша, и мистер Честер даже иногда ее ревнует... – Мэтти опять умолкла, но скоро продолжила: – У нас было заведено, что по утрам, еще до завтрака, я приносила ребенка ей. Но в то утро он еще не проснулся, и слава богу. Ведь когда я понесла ей чай и увидела... Если бы он это увидел... я не могу... не могу...

Мэтти закрыла лицо руками и повернулась к сестрам спиной, ее плечи вздрагивали. Энн не стала вмешиваться, наблюдая, как Шарлотта подошла к подруге и, взяв обе ее руки в свои, смотрела ей в глаза до тех пор, пока ужасные воспоминания не отступили, и Мэтти не успокоилась.

– Значит, ничего похожего на останки в доме не найдено? – задумчиво проговорила Эмили. – Тела нет. Тогда подозрение действительно падает прежде всего на мистера Честера. Если убийца – бродяга или другой злодей, забравшийся в дом, то с какой стати ему уносить с собой мертвое тело? Только если по нему как-то можно опознать убийцу, но в этом нет логики.

– А может быть, – возразила Энн, – никакого тела нет, потому что миссис Честер жива?

– Крови было много. – Мэтти покачала головой. – Человек, из которого вытекло столько крови, просто не может жить.

С минуту женщины стояли молча – их юбки колыхал ветерок, в кронах деревьев поблизости перекликались вороны.

– Если мистера Честера так никто толком и не допросит, то это позор, – объявила Шарлотта, – которому надо немедленно положить конец. Мы расскажем папа? или напишем в газеты и потребуем расследования.

– Вот именно, – подхватила Эмили, – так мы и поступим. Только почему бы нам сначала не попытаться самим защитить Мэтти, объединив наши усилия и способности для того, чтобы узнать, какая судьба постигла миссис Честер? Мэтти, отведи нас, пожалуйста, в ее комнату, мы хотим увидеть ее своими глазами.

– Зачем, Эмили? – спросила сестру Энн. – Чем нам поможет осмотр пустой комнаты? Разве что удовлетворит твое болезненное любопытство.

– А может, мы совершим там открытие, – ответила Эмили. – Вдруг мы, никогда не бывавшие в доме мистера Честера, увидим в спальне его жены то, чего постоянные обитатели не заметили просто в силу привычки? Папа? ведь не зря учит нас всегда проявлять любопытство, Энн. Нет никакого греха в том, чтобы задавать вопросы, когда речь идет о жизни и смерти женщины.

– Но если опасения Матильды окажутся верны... если мистер Честер и впрямь виновен, то надо будет сделать так, чтобы он ответил за это по закону, – сказала Шарлотта. – И, по-моему, без хорошего письма в газеты тут не обойтись. Но чтобы его написать, мы должны сами сначала разобраться во всем.

Энн пришлось согласиться. В их мире мужа избивали жен, насиловали, даже убивали, и все сходило им с рук, ведь в глазах закона и общества жена была лишь разновидностью частной собственности. И если за кровавым исчезновением супруги впрямь стоял Честер, то кто-то должен был что-то предпринять ради самой Элизабет и ради двух невинных детей, которых оставили без матери. И если этот долг выпал на долю им троим, то она, Энн, не станет уклоняться от его исполнения.

- Покажи нам комнату, Мэтти. - Энн согласно кивнула.

- Не могу. - Мэтти помотала головой. - Миссис Кроули уже сделала уборку. Она стерла все следы крови, и теперь там совсем не на что смотреть, обыкновенная пустая комната. Кроме того, нам ведь запретили заходить в дом, и, если нас там поймут, чертям в аду тошно станет.

- На этот случай есть одно простое решение, - сказала Эмили, которая уже шагала в сторону дома. - Не попасться.

Глава 4. Энн

- Здесь была... я хотела сказать... вот комната Элизабет Честер, - прошептала Мэтти, отворяя дверь. - Скорее - если нас поймут, нам достанется.

Входя следом за сестрами в комнату, Энн невольно подумала, что страсть Честера к уединению определенно сыграла им на руку. По крайней мере, Матильда рисковала, только пока вела их через кухню, где в кресле у очага дремала миссис Кроули, а после они спокойно поднялись вверх по пустой черной лестнице. Дом был велик, и, даже если самому Честеру или его экономке вдруг вздумается пройти по коридору, они наверняка еще издали услышат их шаги и спрячутся.

Мэтти пропустила сестер внутрь, а сама осталась в коридоре, якобы сторожить, хотя Энн давно поняла, что гувернантке просто не хочется переступить порог злосчастной комнаты.

Спальня с первых шагов показалась им совсем неподходящей для молодой женщины, слишком там было мрачно и темно: тяжелые портьеры из плотного красного бархата скрывали окно с ромбиками стекол, почти не пропуская внутрь рассеянный свет пасмурного дня.

Энн, которой вдруг почудилось, что она проникла не только в жилище, но и в мысли другой женщины, сразу прошла на середину комнаты и остановилась,

Шарлотта, щурясь, мешкала у двери, а Эмили уже опустилась на четвереньки возле кровати и заглядывала под нее, очень напоминая в тот миг своего пса Кипера, когда тот вынюхивал кроликов. Энн поняла, что комната видела немало страданий и печали еще до того, как здесь совершилось страшное преступление: все в ней было пронизано тоской. Если бы Энн спросили, как она поняла, что Элизабет Честер не была счастлива в браке, она не смогла бы объяснить. Принужденность сквозила здесь во всем: безделушки на туалетном столике были расставлены в геометрическом порядке, безукоризненно чистые туфельки хозяйки, одна чуть стоптанная внутрь, стояли пятка к пятке, носок к носку, и даже пыль покрывала картины идеально ровным слоем. На столике у кровати лежал альбом: почти такой же был и у самой Энн. Она подошла и стала его листать: внутри оказались акварельные наброски Честер Грейндж, но внимание девушки привлекли не они, а портреты детей. Элизабет Честер не просто удалось передать сходство. Портрет Арчи дышал любовью, каждая его линия была исполнена нежности: так может видеть своего младенца лишь мать. Фрэнсис смотрел со страницы беззащитно, но с надеждой, а чуть заметно приподнятые уголки рта выдавали жажду любви. Только очень вдумчивая, глубоко чувствующая женщина и мать могла создать такие портреты, и вот чья-то рука безжалостно стерла ее с лица земли. Но чья и почему?

– Когда ты вошла и обнаружила кровь, ковер еще был здесь? – спросила у Мэтти Энн, обратив внимание на чуть более светлый оттенок пола в одном месте.

– Нет. – Мэтти угрюмо покачала головой. – Его уже не было, когда я вошла, и покрывала тоже. Потом сняли и уничтожили матрас – он весь пропитался кровью. Сами видите, как тут все было залито.

Матильда ничуть не преувеличивала: на стенах и на полу отчетливо выделялись светлые участки, они появились, когда с них смыли кровь. Оливково-зеленые стены от пола до потолка пересекали полосы того же цвета, только побледнее, – видимо, в момент убийства кровь брызгала на них, а тот, кто оттирал ее потом, так старался, что сквозь истончившиеся обои стала проглядывать штукатурка. Пол возле кровати отскребли почти добела, и он напоминал негатив снимка, сделанного на месте преступления: старый лак, почти черный от пыли, въевшейся в него за многие годы, и белые пятна на нем. Почему-то следы этой уборки шокировали не меньше, чем кровь.

– Галька, – сказала Эмили, которая уже встала с колен и шла в другой конец комнаты, – через отмытые пятна на полу она переступила, как через лужи крови.

Подойдя к камину, она протянула руку к полке и взяла с нее несколько камешков – пирамидка из них привлекла ее внимание как единственная странная деталь в этой комнате. Взвесив их на ладони, Эмили показала свою находку сначала Энн, потом Шарлотте.

– Необычный сувенир для молодой женщины.

– Может быть, их собрал для нее Фрэнсис, – предположила Шарлотта. – Помните, в детстве мы тоже приносили домой полные карманы камешков, яичной скорлупы, перьев, мха и всякой всячины, словно это были бог весть какие сокровища?

– Может быть, – согласилась Эмили и, опустив один камешек в карман, вернула остальные на полку. Энн так шокировал поступок сестры, что она чуть не крикнула той: «Положи на место», но вовремя одумалась. Зачем? Тысячи таких валялись прямо под окном этой спальни, миллионы были частью здешних пейзажей, которые так любила Энн. И даже если именно эти камни были когда-то дороги Элизабет Честер, то теперь они уже ничего для нее не значат. Ведь ее нет в живых. Почему-то Энн была в этом уверена. Она просто знала – молодая женщина, которая вошла в этот дом исполненной любви и надежды, мертва.

Глава 5. Шарлотта

– Если это действительно Честер, то он располагает большим количеством акров земли, где можно спрятать тело, – сказала Эмили, едва они все четверо вышли наружу и, повернув лица к солнцу, вдохнули свежего воздуха, избавляясь от запаха карболового мыла. Шарлотта не ожидала, что посещение комнаты Элизабет Честер произведет на нее такое впечатление, однако ее глубоко тронула и оголенная кровать молодой женщины, и сохранившиеся фрагменты ее такой короткой, упорядоченной жизни. Оглядываясь по сторонам, она видела самые обычные безделушки, ничем не отличавшиеся от тех, какими тысячи дам по всему королевству украшали свои дома, предметы, похожие на те, которыми дорожила она сама. Шарлотта лучше многих знала, до чего хрупок и недолговечен человек: что ж, таков порядок вещей. Но так – насильственно, внезапно – особенно часто уходили из мира женщины. Больше того, когда убивали женщину, ни один голос не поднимался в защиту несчастной, и очень

редко дело доходило до суда, – просто еще одна жизнь гасла, словно свеча на ветру, и это тоже считалось в порядке вещей. Шарлотта понимала: то, во что они впутались, совсем не игра; речь шла о жизни и смерти – и, скорее всего, именно о смерти. Элизабет Честер нужен был голос, и она, Шарлотта, решила стать им.

– Лес, погреб, пруд – у него было время вынести из дома тело, завернув его в пропавший ковер, и спрятать его где угодно на своих двадцати акрах. – Эмили повернулась к сестрам. – Лучшего места для преступления, чем это, не выдумаешь.

– Но достало ли бы у него сил? – Шарлотта предпочитала думать о загадке преступления, чем о пропавшей женщине. – К тому же Мэтти говорила, что ночь была бурной, а это ведь непростое дело – копать могилу в грозу, под проливным дождем.

– Однако, – вмешалась Мэтти, – когда я с криками бросилась в спальню хозяина сообщить ему о своей находке, он спал в своей постели, и не было никаких признаков того, что он выходил под дождь. Я не увидела в комнате ни грязных сапог, ни мокрой одежды, да и волосы у него были сухими.

– А когда у вас обычно ложатся спать, Мэтти? – спросила Шарлотта.

– Я увожу детей наверх не позднее семи, – ответила Мэтти. – Почти всегда ужинаю с ними. Миссис Честер тоже старалась уйти к себе ненамного позже, но у нее не всегда получалось, ведь мистер Честер может не спать всю ночь – он пьет и... ну всякое, и иногда он настаивал, чтобы жена бодрствовала с ним.

– Против ее желания? – спросила Энн.

Мэтти покачала головой.

– Когда Элизабет выходила замуж, то думала, что влюблена: я ведь говорила, хозяин умеет быть обворожительным, – ответила она на вопрос. Улыбка скользнула по ее лицу, но тут же исчезла. – Но она надоела ему, едва он ее заполучил. Шли месяцы, она все чаще говорила со мной, поверяла мне свои тайны, пока наконец мы не стали зваться подругами. Она рассказывала мне о своей любви к детям, о своих сожалениях и страхах. Она надеялась – мы обе

надеялись, – что настанет день и добрый, порядочный человек, которого мы обе знали когда-то, вернется. Но выходило наоборот – злобное чудовище становилось все сильнее. Я знаю, что он бил ее, и не один раз, – она ничего мне не говорила, но я видела синяки. И все же... с тех пор, как она исчезла, он места себе не находит, можно сказать, раздавлен горем.

– А в ту ночь? Он тоже требовал, чтобы жена составила ему компанию?

– Нет, – сказала Мэтти после короткого раздумья. – Нет, я же говорила, она почти весь день провела в постели.

– А миссис Кроули? – спросила Шарлотта.

– Она никогда не ложится раньше хозяина, – сказала Мэтти. – Я не раз заставляла ее спать в кресле, в коридоре, где она оставалась всю ночь, если хозяин всю ночь пил, а под утро засыпал на полу в библиотеке.

– Но в ту ночь он спал у себя в постели?

Мэтти кивнула:

– Я не знаю, когда он лег, но, когда я пришла будить его утром, он был у себя.

– Значит, между восемью часами вечера и... шестью часами утра, когда ты принесла миссис Честер ее чай, сам Честер или неизвестный злоумышленник успел, никем не замеченный, совершить преступление и вынести из дома миссис Честер, живую или мертвую. Десять часов: времени предостаточно, даже если предположить, что преступник проник в дом не раньше полуночи. Однако из того, что мы знаем о порядке событий, нельзя сделать однозначный вывод, что именно Честер ответственен за исчезновение жены.

– Из того, что мы видели, – нельзя, – сказала Энн, нахмутив лоб. – Но, Шарлотта, разве мы не ощутили это, когда были в комнате, в самой ее атмосфере – я, например, почувствовала, а ты?

– Чувства – плохие советчики для детективов, – ответила Шарлотта. – Мэтти пора к детям, а нам – домой, но это не значит, что мы обязательно должны уйти через

главные ворота. Надо искать факты, которые нельзя истолковать двояко, неоспоримые доказательства.

- А еще можно вернуться домой, поиграть на пианино и сесть писать стихи, - пожалала плечами Эмили.

Шарлотта повернулась к сестре и, подняв подбородок, посмотрела на нее снизу вверх - Эмили была намного выше ее ростом.

- Тебе этого хочется, Эмили?

- Нет, но... я просто хотела убедиться, что вы с Энн понимаете, во что мы ввязываемся сейчас, ведь это совершенно новое для нас дело. Все наши открытия могут оказаться страшными и даже опасными. - И она оглядела сестер по очереди. - А вы - особы чувствительные.

- Только не я! - возмутилась Энн. - По крайней мере, я не падаю в обморок, когда мне предстоит разговор с незнакомыми людьми, не то что некоторые. Кроме того, здесь было совершено зло, и, какова бы ни была правда о нем, ее следует раскрыть, чтобы исправить. Так почему бы нам троим не взяться за эту задачу, тем более что, кроме нас, никто, кажется, ею не интересуется.

Шарлотта кивнула:

- Я тоже хочу знать всю правду о том, что здесь случилось, какова бы она ни была, и необходимость подвергнуть себя при этом некоторому риску меня не пугает. Так что можем начать с осмотра того места, где, предположительно, стояли цыгане. Кто знает, может быть, там сохранилось что-то полезное, и...

- О боже, нет! Уходите, скорее уходите! - Мэтти задрожала, глядя через плечо Шарлотты. - Уходите прямо сейчас, мои дорогие, - хозяин вернулся.

- Уходить? Ну уж нет, - сказала Шарлотта, всматриваясь во всадника, который приближался к ним в сопровождении своры собак. - Нельзя упускать случай взглянуть поближе на этого исключительного человека.

Глава 6. Шарлотта

Шарлотта не испугалась, когда джентльмен на великолепном черном коне подъехал так близко, что буквально обдал их комьями грязи и брызгами из-под копыт, и ни на дюйм не сдвинулась с места, хотя мускулистая грудь скакуна оказалась у нее прямо перед носом.

Четыре больших шотландских борзых с подпалинами подбежали и громко залаяли на сестер, что наверняка напугало бы молодых леди более кроткого нрава, но совершенно не подействовало на Шарлотту и Энн, а что до Эмили, то та и вовсе присела, протянула руки навстречу собакам и стала тискать их, гладить и только весело хохотала и фыркала, когда псы принялись вылизывать ей лицо.

– Эмили, встань, – прошипела Шарлотта, а Честер даже улыбнулся, глядя, как Эмили подставляет шею шершавым собачьим языкам. Кстати, Шарлотта отметила про себя, что улыбка у него была очень приятная, увидев ее, всякий почувствует себя так, словно подарок получил.

– Я всегда говорю, что мои собаки судят о людях куда лучше меня самого, – приветливо обратился Честер к Эмили. – Судя по их поведению, вы хороший человек, мадам. Иначе они бы вас просто загрызли. Они натасканы на незнакомцев.

– Большинство людей собакам в подметки не годятся, – ответила Эмили и встала, опершись на голову одного из псов, как на подставку. – С собаками всегда точно знаешь, что они о тебе думают; они не лгут и не притворяются, в отличие от людей.

И Эмили бросила на хозяина собак вызывающий взгляд – слишком вызывающий, подумала Шарлотта. Тонкое искусство намеков и недомолвок по-прежнему оставалось неведомым ее сестре.

– Простите мою сестру. – Шарлотта сделала шаг вперед и загородила собой Эмили. – Она забыла, что вас наверняка ждут более важные дела, чем обсуждение поведения животных.

– Напротив, – отвечал Честер. – Каждый миг, отдаляющий меня от тех дел, на которые вы намекаете, я воспринимаю с благодарностью, мисс?..

– Бронте, сэр. – Шарлотта присела в реверансе. Ей показалось, что конь, который стоял перед ней, в холке был не менее восемнадцати ладоней, а то и более – тут она сомневалась. Но, хотя о мужчинах она знала почти так же мало, как о лошадях, суждение о всаднике, который сидел на коне, сложилось у нее сразу. Мистер Честер был хорошо сложен; высок, силен, с крупной головой, немного похожей на львиную – сходство довершала густая грива темных волос; и хорошо одет, только на сюртуке не хватало пуговицы. Его лицо, хотя и со следами перенесенной в детстве оспы, буквально притягивало взгляд, особенно выразительны были глаза. Да, о нем вполне можно было сказать, что он хорош собой, решила Шарлотта. И хотя внешность человека не имеет никакого отношения к тому, что у него внутри, – в это Шарлотта верила свято, – все же она вполне понимала, как иные молодые особы, менее серьезные и здравомыслящие, чем она, могли поддаваться чарам мистера Честера и оказаться в его власти.

– Мисс Френч. – Сдерживая коня, мистер Честер склонил голову перед Мэтти, хотя смотрел по-прежнему на Шарлотту. Гувернантка и ее гости ответили ему реверансом. – Почему вы не с детьми?

– Миссис Кроули разрешила мне побыть с подругами, которые пришли оказать мне... поддержку, поскольку я сильно переживаю из-за случившегося, сэр, но я уже возвращаюсь к мальчикам. – От Шарлотты не укрылся взгляд, которым Мэтти смотрела на хозяина. Так смотрят лишь на тех, кого знают очень близко: не отрывая взгляда. Всего несколько минут назад она описывала им этого человека как настоящее чудовище, и вот ее лицо выражает не столько страх перед ним, сколько восторженный трепет, – так, наверное, глядит мотылек, летя на пламя свечи. А разве сама Шарлотта не так глядела на месье Эгера? Желая прервать затянувшееся молчание, она негромко кашлянула, и Мэтти, встрепенувшись, продолжила:

– Сэр, позвольте представить вам мисс Шарлотту, Эмили и Энн Бронте, дочерей пастора из Хоэрта.

– При обычных обстоятельствах я был бы исключительно рад нашему знакомству, – отвечал мистер Честер, оборачиваясь и глядя на дом так, словно уже готов был их покинуть. – Но, как вы, должно быть, слышали, нас...

Женщины растерялись, когда Честер вдруг умолк и погрузился в молчание, и Шарлотта впервые отметила, как заострились его выразительные черты, несшие явный отпечаток горя. Она поняла, что он выглядит совсем не так, как, по ее представлению, должен выглядеть убийца.

– Сэр? – Мэтти шагнула вперед, и Шарлотта с изумлением увидела, как обе ее ладони покрыли его большую руку в перчатке. – Вам нужна моя помощь?

– Нет, Френч, – сказал Честер, резко вырывая у нее руку. – Однако прошу меня извинить – у меня действительно много дел.

– Разумеется, сэр. Трудно даже представить, какую боль вы сейчас испытываете, – сказала Шарлотта, скользнув взглядом по Энн. – Простите мою нескромность, но мы все трое так потрясены случившимся... позвольте спросить у вас, полиция уже приблизилась к ответу на вопрос о нынешнем местопребывании миссис Честер?

Она почувствовала, что кровь стынет у нее в жилах, когда Честер устремил на нее взгляд, в котором она лишь теперь за покровом горя различила кое-что еще: бушующую ярость.

– Нет, – сказал он, – не позволю. Френч, идите к детям. Оставлять их в такое время, как сейчас, с этой идиоткой из деревни, – непростительный проступок.

Ударом пяток в бока Честер пустил коня в галоп, и тот сорвался с места так стремительно, что грязная вода из лужи под копытами забрызгала юбку Шарлотты. Но девушка, ничуть не смущенная и не испуганная, спокойно глядела удалявшемуся Роберту Честеру вслед.

– Итак, – начала Энн через несколько минут, когда сестры уже скрылись в чаще позади дома, подгоняемые Эмили и ее решимостью немедленно осмотреть то место, где стояли цыгане, невзирая на мокрую землю, от которой отяжелели подошвы их юбок, и воду, которая при каждом шаге хлюпала под патенами[2 - Патены – накладные деревянные высокие подошвы для ходьбы по грязи.] и проникала сквозь тонкую кожу ботинок. – Что вы думаете об этом Честере?

– Даже не знаю, – ответила Шарлотта, наблюдая за Эмили, которая обогнала их на несколько ярдов и теперь бормотала что-то насчет отпечатков лап и сломанных веток. – С одной стороны, он явно потрясен случившимся, его горе выглядит вполне искренним; с другой... в нем есть что-то темное.

– А может быть, он потрясен тем, что сотворил? – предположила Энн, останавливаясь, чтобы сорвать с березы золотисто-зеленый лист.

– Или кровавым исчезновением жены. – Шарлотта ответила на пристальный взгляд Энн. – Все, что нам известно об этом деле, мы узнали от Мэтти, а она, при всей своей якобы боязни Честера, как-то уж слишком...

– Привязана к нему, – закончила за нее Энн. – Да, я тоже это заметила. Но что это значит, Шарлотта? Почему языком женщина говорит одно, а глазами – совсем другое?

– Не знаю, чем это объяснить, – встряхнула головой Шарлотта, – разве что сложной природой влечения и симпатии. Сердцу, как известно, не прикажешь.

Энн ничего не сказала, только взяла руку Шарлотты в свою, безмолвно сострадав любовной неудаче сестры.

– Я уже сомневаюсь: возможно, нам следовало послушаться Эмили и вернуться домой, где продолжать писать стихи, вздыхать и умирать от пустоты и скуки; наверное, работа детективов не для таких, как мы.

– Шарлотта... – Энн даже остановилась от удивления, – неужели наша жизнь кажется тебе настолько унылой?

Шарлотта отвернулась, пряча непрошеные слезы. Она не меньше сестры была потрясена собственной вспышкой. И поняла, что до сих пор не отдавала себе отчета в том, в каком унынии она пребывает, как ее гнетут сделавшиеся привычными узость и несвобода собственной жизни.

– Прости меня, Энн. – Голос Шарлотты смягчился. – Мне тяжело снова оказаться здесь после Брюсселя, где я жила и работала с... – Имя месье Эгера так и не слетело с ее уст, ибо произнести его вслух или даже мысленно значило для нее

вновь пробудить в себе тоску по любви, которая не могла ей принадлежать. – Быть опять дома – это так приятно, но в то же время... огорчительно. Я ведь надеялась повидать мир, узнать жизнь, а вместо этого...

– Понимаю. – Энн снова взяла ее руку. – Конечно, моя жизнь гувернантки в Торп Грин не сравнится с путешествием за границу, но все же, Шарлотта, я была довольна и даже счастлива, ведь под одной крышей со мной работал наш дорогой брат. А потом Бренуэлл решил позволить жене хозяина соблазнить его. Причем ему заплатили за отъезд целых двадцать фунтов, а мне, которая не сделала ничего дурного и уезжала не по своей вине, всего три. Так что поверь мне, Шарлотта, я тоже знаю, что такое гнев, да еще и вперемешку с разочарованием; вообще-то эта парочка свила себе настоящее гнездо под моей шляпкой! – И Энн засмеялась, но тут же сделала большие глаза и прикрыла рот ладонью. – Прости меня, я позволила себе лишнее.

Теперь уже Шарлотта взяла ладошку сестры в свою руку и сжала ее затянутые в перчатку пальчики.

– А может быть, и нет, Энн, – сказала она. – Может быть, ты сказала как раз то, что было необходимо. Давай сделаем свою жизнь шире; это все, чего я хочу. Я хочу оставить на этой земле след, пусть незначительный.

– Я знала! – услышали они голос Эмили, который доносился с поляны впереди. – Я знала, что я права, сестры! Подойдите сюда, и вы увидите доказательства смерти Элизабет Честер.

Глава 7. Энн

Эмили отошла в сторону и слегка театральным жестом показала Шарлотте и Энн на обугленное круглое пятно на земле.

Энн внимательно оглядела открывшуюся перед ними сцену. Костер горел здесь совсем недавно, кольцо серого пепла окружало черное пятно там, где огонь спалил траву, и даже ветви ближних деревьев местами тоже закоптились и потемнели.

– Это и есть место, где стояли цыгане? – спросила Энн. – Так близко к главным лужайкам?

– Нет, вряд ли, – ответила Эмили. – Кострище совсем рядом с деревьями, но никаких следов лагеря поблизости нет. Ни отпечатков копыт, ни рытвин от колес.

Жечь в таком месте палую листву и другой садовый мусор тоже вряд ли станут, подумала Энн, ведь за костром придется все время присматривать, иначе загорится лес вокруг, но и полностью исключить такую возможность тоже нельзя – так какой же смысл видит в кострище Эмили?

– Здесь что-то горело, – сказала Шарлотта, нетерпеливо пожав плечами. – И что с того?

– Что с того? – возмущенно выдохнула Эмили. – Да все с того, Шарлотта. Если бы вы с Энн слушали меня там, в лесу, а не болтали всю дорогу, как идиотки, то сами бы все увидели.

– Будь добра, перестань говорить загадками и объясни лучше нам, что это, по-твоему, такое? – с большой долей высокомерия обратилась к ней Шарлотта. Между сестрами часто так бывало; с годами Энн к этому привыкла. Шарлотта и Эмили очень любили друг друга, доверяли друг другу, черпали друг в друге вдохновение и поддержку и в то же время раздражали друг друга до невозможности, причем совсем не редко.

– Хорошо, слушай, но только внимательно, и думай, – отозвалась Эмили. – Думай о том, что нам уже известно о Честер Грейндж. Это большой дом, в котором живут всего шестеро: два мальчика, один из которых еще младенец, одна гувернантка, одна экономка, до недавнего времени одна жена и всего один мужчина. Честер – единственный взрослый мужчина, который обитает здесь постоянно, вот почему, обнаружив в подлеске следы больших мужских сапог, невольно приходишь к мысли, что их оставил либо он, либо какой-то незнакомец.

– Только очень наивный человек может решить, что Честер не нанимает людей со стороны, чтобы поддерживать хотя бы в относительном порядке такое большое поместье, – бросила сестре Шарлотта.

– Ты что, не заметила, каким неухоженным и запущенным выглядит здешний сад, Шарлотта? – фыркнула Эмили. – И вообще, опусти глаза, и ты увидишь, что мужские следы повсеместно окружены отпечатками лап – вот, видишь? – и Эмили, забыв о своих юбках, плюхнулась на колени в самую грязь и приложила не защищенную перчаткой ладонь к земле рядом с одним из отпечатков. – Видишь, какие они крупные по сравнению с моей рукой и как глубоко вошли в землю? Это тебе не шавка какая-нибудь, из тех, с какими охотятся на кроликов егеря и браконьеры. Этот след оставила лапа крупного благородного зверя, причем все следы разные, а значит, зверей было несколько. Шарлотта, это же очевидно – одинокий мужчина в сопровождении своры собак открыто оставляет следы. Разве не ясно, что именно Честер разжег здесь костер?

– Конечно, ясно, – раздраженно бросила Шарлотта. – Мне совершенно ясно, что с тех пор, как из дома исчезла миссис Честер, мужчина с собаками бродил по своей земле и побывал здесь. Это очевидно, но отнюдь не преступно.

– О дорогая Шарлотта, – глаза Эмили вспыхнули, – мне кажется, что природа совершенно обделила тебя детективным даром.

– Так объясни нам тогда, Эмили, – торопливо вмешалась Энн, не давая старшей сестре найтись с убийственным ответом. – Ты такая умная, а мне не терпится послушать, что ты еще узнала.

– Вообще-то я многое узнала с тех пор, как мы повстречали мистера Честера, причем кое-что из этого он сообщил нам сам – например, что его собаки приучены поднимать тревогу и бросаться на любого нарушителя границ его собственности, – сказала Эмили. – Но если тело Элизабет Честер вынес из дому посторонний, то почему сторожевые псы Честера не лаяли и не остановили злодея? Очевидно, что ответов на этот вопрос может быть только два: либо он заблуждается насчет характера своих собак, либо в ту ночь никто не бродил по землям Честер Грейндж, кроме одного человека – хозяина.

– Это верно. – Энн повернулась к Шарлотте и увидела, что в той любопытство борется с раздражением. – Честер хвалился их злобностью – как могли такие псы не остановить любого злоумышленника или хотя бы оповестить о его появлении громким лаем?

– Ночью была гроза, помните? – сказала Шарлотта. – Может быть, псы и лаяли, но из-за грома и дождя их никто не слышал.

– И это тоже верно, – подтвердила Энн и посмотрела на Эмили, слегка разведя руками, точно извиняясь. – Как верно и то, что следы должны были появиться здесь уже после грозы, иначе их размыло бы дождем.

– Ладно, пусть так, но разве в огромном пустом доме негде было спрятать тело, чтобы потом принести его сюда и здесь от него избавиться? – И Эмили покивала так выразительно, словно для нее только что высказанная теория уже обрела материальность факта.

– Эмили, на чем основаны твои предположения? – задала вопрос Шарлотта.

– На том, что я здесь вижу. – Протянув руку, Эмили выудила из пепла нечто обугленное до неузнаваемости. – Вот доказательство того, что на этом костре было сожжено тело. Осматривая пепел, я нашла это – фрагмент кости. Судя по ее толщине и изгибу, это ребро.

– Неужели человеческое? – ахнула Шарлотта и шагнула поближе, чтобы лучше рассмотреть находку. Энн, наоборот, отпрянула и отвернулась. Может, сестер и не смущало то, что Эмили, возможно, держала в руке частичку мертвой женщины, но Энн не ощущала такой же бесстрастности в себе. Мысль о том, что этот кусочек мог оказаться частью той, чьей рукой были нарисованы чудесные детские портреты, вызывала у нее что-то похожее на тошноту. Бедняжка Элизабет Честер, неужели и впрямь таков был ее конец: ее швырнули в огонь и сожгли, как мусор, и ни следа ее жизни не осталось на земле?

– Я, конечно, не могу утверждать, что эта кость именно человеческая, – признала Эмили, сосредоточенно глядя на объект у себя в руке. – Чтобы подтвердить это или опровергнуть, нужен взгляд эксперта, а не мой. Но зачем, скажите, кому-то понадобилось сжигать тело другого существа здесь, посреди леса?

– Вполне уместный вопрос, – сказала Шарлотта, – но не кажется ли вам, что если мы нашли это свидетельство, то его мог отыскать и констебль, и вообще кто угодно?

– В том-то и дело, что его никто не искал, Шарлотта, – удрученно ответила Эмили. – Никто, кроме меня – нас, – и уж тем более не констебль, который вместо того, чтобы заниматься наиболее очевидным подозреваемым, отправился куда-то догонять бродяг. Чьих следов, кстати говоря, я тут нигде не вижу.

– Здесь их, может быть, и нет, но не забывай, Мэтти ведь говорила, что Честер владеет многими акрами земли, – напомнила Энн сестре, которая, покинув обугленное пятно, подошла к дереву, приподняла его надломленную ветку и теперь показывала ее Энн.

– А посмотри, как здесь много примятых и поломанных веток, вроде этой, – сказала она. – И все на высоте плеча рослого мужчины – как будто кто-то прошел здесь, неся на плече что-то тяжелое и длинное; почему этим мужчиной не мог быть Роберт Честер, который нес тело жены?

И Эмили обвела поляну театральным жестом, точно призывая сестер увидеть то, что было очевидно ей, но кто же верит Эмили? Она человек крайностей, ей либо одно, либо другое, а уж если она что вобьет себе в голову, то придется немало потрудиться, чтобы заставить ее разувериться в этом.

– Дорогая, я понимаю, что ты хочешь сказать, и считаю, что теоретически это очень возможно, – осторожно начала Энн. – Однако не кажется ли тебе, что задача детектива – не подгонять факты под уже сложившуюся теорию, а строить теорию на основе имеющихся фактов? К тому же я не считаю, что собранного нами достаточно, чтобы прийти к каким-то определенным выводам.

– Энн права, – согласилась Шарлотта. – Нам надо...

– Шарлотта, кто ты такая, чтобы судить, что нам надо и чего не надо? – начала Эмили.

Сестры затеяли перебранку, а Энн, распустив ленты капора так, чтобы свежий лесной воздух холодил ей щеки, повернулась к ним спиной и сделала несколько шагов по тропе, которая привела их сюда. Девушка внимательно всматривалась в обступившие ее деревья и кусты – действительно, их нижние ветви во многих местах были заломлены и примяты в одном направлении, образуя полосу, которая тянулась отсюда и до входа в лес – не слишком заметная, но все же вполне видимая, если приглядеться.

Энн не знала, что заставило ее вернуться к мрачному кругу пепла на поляне, но, снова оказавшись рядом с ним, она заметила у самой кромки опаленной травы маленький предмет, одиноко черневший на фоне зеленой летней травы. Энн наклонилась и подняла его, не успев даже спросить себя, что он здесь делает, такой чуждый всему вокруг. Но, едва коснувшись его пальцами, Энн поняла, что это, и почувствовала, как ее сердце наполнилось тоской и ужасом.

– Зуб. – Энн едва нашла в себе силы, чтобы произнести это слово вслух, но сестры продолжали ссориться, не слыша ее. Пришлось повысить голос.

– Зуб, я нашла зуб, – сказала она, завладевая наконец их вниманием.

Предмет был черным от огня, и все-таки было ясно, что это именно зуб. Сестры подошли ближе и с мрачными лицами склонились над протянутой ладонью Энн.

– Я думаю, все согласятся с тем, что мы и без эксперта можем определить этот зуб как человеческий, – сказала Эмили. – И, следовательно, другие найденные нами останки тоже принадлежат человеку.

– О боже, – Шарлотта прикрыла рот ладонью, – но это... это отвратительно. Бедная, бедная молодая женщина. Что нам делать?

– Садитесь и подводите итоги, – спокойно ответила Энн, ничем не выдав той бури, которая бушевала у нее в душе. – Надо еще раз взвесить все найденные нами доказательства, составить план и наметить, какие шаги мы можем предпринять в ближайшее время, дорогая Шарлотта. Нам нельзя ошибиться, ведь тогда мы не поможем Элизабет и Мэтти, а от кого им ждать помощи, если не от нас?

Глава 8. Эмили

Выпив чаю в кабинете папа?, сестры извинились и вышли, как делали всегда. Они не рассказали ему о том, что подозревают Роберта Честера в убийстве и ведут по этому поводу расследование, хотя скрывать это от него также не входило в их намерения.

В их доме так повелось, что пока папа? читал, работал над проповедью или писал письма, предлагая свою скромную помощь больным и несчастным – а таких в Хоэрте всегда было немало, – его дочери удалялись в уютную, хотя и тускло освещенную столовую и там тоже садились за письмо: проверяли идеи, составляли комбинации слов, испытывая их на выразительность, но ни одна из них еще не достигла результата, который удовлетворил бы ее полностью.

Энн часто рисовала или работала над стихами, которые начала писать еще в Торп Грин, Шарлотта то бралась за перо и лихорадочно что-то записывала, то снова отбрасывала его и подолгу сидела, с несчастным видом глядя в окно, – наверняка тосковала по этому болвану, месье Эгеру из Брюсселя. Что она в нем находила – и, видимо, находит сейчас, – Эмили никогда не могла понять. Учитель был тщедушным мужчинкой, напрочь лишенным смелости и задора, зато исполненным такого тщеславия и самодовольства, что трудно было понять, как они умещаются в скромную дистанцию, которая отделяла его скошенную макушку от каблуков ботинок. Но в этом была вся Шарлотта, ее дорогая сестра; ей непременно нужно было любить самой и нужно было, чтобы в нее влюблялись другие, она не мыслила себе жизни без этого. Эмили протянула руку, почесала пса за ухом, улыбнулась, чувствуя, как он тычется головой ей в ладонь, и порадовалась, что никогда в жизни не была влюблена и даже не мечтала влюбиться. Жить в этом доме, на этой земле, в окружении животных и созданий ее собственной фантазии – вот все, что ей было нужно для счастья. В этом крылось их коренное различие с Шарлоттой. Пока они учились в Брюсселе, Эгер пару раз улыбнулся Шарлотте, назвал ее умной, и этого было достаточно, чтобы она влюбилась в него по уши. Влюбившись, Шарлотта потеряла себя, и, как считала Эмили, была еще очень далека от того, чтобы вернуться к себе снова.

Шарлотта видела себя лишь через одобрение других; Эмили всегда была самодостаточна.

Однако в тот вечер, хотя последние лучи летнего солнышка еще румянили серебристый небосклон, наполняя комнату мягким золотисто-розовым сиянием, никто из них не писал и не смотрел задумчиво в окно, только Энн рисовала. Все вместе они размышляли над тем, в каком направлении им двигаться дальше и на что решиться.

– Раз уж нельзя положиться на служителей закона в Китли, то, может быть, обратиться в Брадфорд? – предложила Шарлотта, затачивая карандаш фруктовым ножом с ручкой из слоновой кости. – А если не в Брадфорд, то в Лидс. Элизабет Честер оттуда родом, ее семья весьма влиятельна в тех местах – вряд ли родители допустят, чтобы их дочь пропала без вести и по этому поводу не было произведено никакого следствия.

– Однако уже два дня, как ее нет, – сказала Энн. – А они до сих пор не приехали, и Честер запретил отпускать к ним детей. Местные новости распространяются быстро, однако до Лидса день пути, и если Честер ничего им не сообщил, то они, возможно, еще не знают, что она пропала.

– Было бы крайне подозрительно, если бы он не известил родителей о том, что случилось с их дочерью, – задумчиво сказала Эмили. – И Честер сам это понял бы.

– Дело в том, – сказала Энн, – что содержимого этого ящика недостаточно, нам нужно больше. – Эмили заметила, что сестра избегает прямо глядеть на ящичек из-под чая, который она поставила посреди стола: в хоршенькой деревянной коробочке был не чай, а фрагмент неизвестной кости, галька и человеческий зуб. Эмили находила в высшей степени желательным и разумным хранить все собранные ими улики вместе и на виду, так, чтобы они помогали им в их размышлениях, однако она знала, что, когда на ящик смотрела Энн, она видела в нем не просто ключи к разгадке преступления, но фрагменты некогда живого человека, чья жизнь оборвалась так трагически и внезапно. Сжалившись над чувствительностью сестры, Эмили захлопнула крышку.

– Мы полагаем, что нам удалось выяснить некоторые обстоятельства убийства, – задумчиво продолжала она, – но мы до сих пор даже не задавались вопросом – почему? Что могло подтолкнуть Роберта Честера к убийству молодой жены и матери своих детей? Что вообще может толкнуть человека на такой поступок?

– Вряд ли это была алчность, – предположила Шарлотта. – Честер состоятельный человек, он владеет почти всей землей вокруг Честер Грейндж.

– Тогда это могла быть ревность, – сказала Энн и опустила глаза. Ей явно было неловко от того, что она собиралась сказать.

– В чем дело, Энн? – насторожилась Эмили. – Говори.

– Я видела мужчину, когда тот бесновался от ярости и ревности так, что наверняка убил бы обидчика, будь у него хотя бы малейший шанс. Мистер Робинсон, когда он узнал, что произошло между его женой и нашим братом в Торп Грин... Как он бранился тогда... – Эмили наблюдала за тем, как напряглось лицо Энн, пока та заново переживала воспоминания о жестоком унижении, которое ей пришлось пережить, когда тень позора легла на ее собственную репутацию из-за того, что натворили ее брат и та женщина... – Его чуть удар тогда не хватил. И, я уверена, попадись ему тогда на глаза Бренуэлл, он бы его изувечил.

Эмили нахмурилась при мысли о том, что их брат пал жертвой похоти, но вдруг ей пришло в голову, что, сидя за столом, она не узнает ничего нового, и, видимо, в надежде, что перемена угла зрения поможет ей освежить восприятие, она соскользнула на пол, где обеими руками обняла за шею Кипера.

– Значит, ты полагаешь, что Элизабет Честер могла... совершить опрометчивый поступок? – сидя под столом, услышала Эмили голос Шарлотты. Теория Энн представлялась ей вероятной, и хотя воспитанные молодые особы из хороших семей никогда не говорили о подобных вещах, Эмили и ее сестрам пришлось, ведь их единокровный брат вернулся домой со скандалом, чуть ли не прямо из постели миссис Робинсон, даже запах ее гадких духов еще не выветрился, – так, по крайней мере, казалось Эмили. Вот и теперь от одной мысли об этом ей стало так противно, что она уткнулась носом в остро пахнущую шерсть Кипера, чтобы прогнать мерзкий образ.

И дело было вовсе не в том, что Эмили совсем не интересовалась плотскими желаниями; да, она была дочерью сельского пастора, но перед ней был распахнут целый мир английской литературы, от Чосера до Байрона, и черпать оттуда подробности разных скандальных происшествий она могла без труда. Просто среди ее знакомых, как близких, так и дальних, не было того, с кем ей захотелось бы свести столь близкое знакомство. Да и сама мысль о такой возможности вызывала у нее легкую брезгливость, хотя она ни за что бы в этом не созналась. Кроме того, в тех, кого она не обязана была любить по причине кровного родства с ними, она вообще не находила ничего привлекательного. Да и то сказать, что в них хорошего? Взять хотя бы жителей Хоэрта: блуд, измены, пьяные драки, смертоубийства. И ходить далеко не надо, чтобы все это увидеть, достаточно спуститься на несколько ярдов по склону холма – и окажешься среди

этих самых людей, живущих бок о бок со смертью, – среди них несет свое служение их отец. Из ее окна открывался вид на кладбище: могилы на нем были переполнены мертвыми младенцами, которых было так много, что им даже имена не успевали давать, а отмечали их на могильных камнях номерами.

Жизнь вообще отвратительна, коротка и жестока. Вот люди и торопятся урвать хоть немного счастья, где и когда могут, – все, включая Бренуэлла. А другие люди мстят им за это.

– Эмили? – Судя по тому, как нетерпеливо Шарлотта пристукнула ножкой, произнося ее имя, она делала это уже не в первый раз. – Эмили, что ты там делаешь, внизу? Впрочем, неважно, что именно, главное, что это совсем не подобает леди.

– Думаю, – ответила Эмили, выглядывая из-под камчатной скатерти. – Мэтти говорила, что Честер буен во хмелю. А мы знаем, что алкоголь способен менять личность человека. И, если нам удастся найти подтверждения неверности Элизабет, то мы найдем и причину – мотив для убийства. Надо возвращаться в Честер Грейндж.

– А что вы там обнаружили, в Честер Грейндж? – В комнату, а заодно и в их разговор, ввалился Бренуэлл – всклокоченный, огненноволосый, с торчащей из брюк рубашкой, он плюхнулся на диван и повалился на спину. Хотя бы не пьяный, подумала Эмили и с облегчением заметила, что его пальцы выпачканы чернилами: верный признак того, что он либо писал, либо рисовал. Может быть, он наконец выберется из тенет своего горя. Эмили надеялась на это всей душой, ведь, судя по ее опыту, безответная любовь если и добавляла чего-то к характеру человека, то лишь занудства.

– Ужасные вещи, Бренуэлл. – Она улыбнулась брату. – Твои рыжие волосы побелеют от потрясения, как только ты услышишь.

– Отчего-то я сомневаюсь, что нашего брата еще можно чем-то потрясти, – пробормотала Шарлотта. – Однако я согласна, нам надо вернуться и добиться приглашения в дом, и я, кажется, знаю как.

Шарлотта расправила плечи, явно очень довольная своим планом, и одного этого было достаточно, чтобы Эмили, при всей своей любви к сестре, вмиг

настроилась против.

– Ну, давай выкладывай, – подзадорила она Шарлотту. – Как, по-твоему, нам попасть к Честеру, если не под чужой личиной?

Плечи Шарлотты сразу опустились на полдюйма.

– Не понимаю, чем плоха эта идея.

– Так ты предлагаешь нам переодеться? – Эмили расхохоталась. – И в кого же? В бродячих актеров?

– Я предлагаю вам с Энн пойти в деревню Арунтон и поговорить там с местными, – продолжила Шарлотта, решив, видимо, не сдаваться перед насмешками Эмили. – В доме Честера мало прислуги, но я уверена, если деревенские возьмут что-нибудь в Грейндж, ухаживают там за лошадьми или просто арендуют у Честера землю, то они наверняка все видят и все знают, даже если ничего не говорят. Тем временем Бренуэлл вымоет волосы, причешется и, прикрываясь выдуманной личностью – например, врача, недавно приехавшего в эти места и ничего не знающего об исчезновении миссис Честер, – придет представиться хозяину дома и предложить свои услуги семье, а я пойду с ним как его сестра, которая недавно овдовела и оказалась на попечении брата.

– Вообще-то, Шарлотта, у Честера есть глаза, – сказала Эмили с широкой издевательской усмешкой. – Большие и черные, и он хорошо тебя ими рассмотрел.

– О да, зато у меня есть хитрость, – гордо ответила Шарлотта. – Я надену под шляпку густую черную вуаль, так что он не увидит моего лица! И пока Бренуэлл будет занимать его разговором, я прокрадусь в комнату миссис Честер и поищу там каких-нибудь свидетельств того, что у нее был любовник! – И она победоносно откинулась на стуле, довольно сияя глазами. – Разве не отличная мысль?

– Гм... – Эмили прикрыла ладонью рот, подавляя смех, который так и рвался из нее наружу.

- Что еще? – спросила Шарлотта.

- Просто... – начала Энн и тут же прикусила губу.

- Да в чем дело? – Шарлотта ждала ответа.

- Моя дорогая сестренка. – Бренуэлл скатился с дивана, бросился на колени перед Шарлоттой и взял ее руку в свою. – Тебя можно узнать не только по лицу. Ты отличаешься особым... телосложением: ты ведь крохотная, прямо как фея. Ростом не выше эльфа. Именно это пытаются сказать тебе сестры. Вот почему тебе понадобится не только вуаль, чтобы скрыть лицо, но и ходули, чтобы возместить недостаток роста, если ты хочешь остаться неузнанной. И... – Бренуэлл приложил к губам палец, показывая Шарлотте, что он еще не закончил. – Эмили тоже не подходит для этой роли, она слишком высока, ходит решительно, а выражение лица у нее такое... один раз глянешь – вовек не забудешь.

- Ну так пусть никто на меня и не смотрит, я буду только рада, – ответила Эмили, ничуть не обиженная.

- К Честеру пойдем я и Энн, – продолжал Бренуэлл. – Ибо мы двое обладаем не только способностью менять наружность, подобно хамелеонам, но и бездной очарования, так что птицы слетают к нам с ветвей. – И он сделал рукой фатоватый жест.

- И где же эти птицы, которых вы так очаровали? – Эмили улыбнулась и повертела головой. – Где вы их прячете?

Бренуэлл пожал плечами.

- Только за одним из нас тянется по Йоркширу след из разбитых сердец, Эмили, – сказал он.

- Не уверена, что следует во множественном числе говорить о твоём сердце, действительно многократно разбитом в разных местах, – улыбнулась Эмили.

– А что, по-твоему, мы с Бренуэллом сможем выведать у мистера Честера такого, чего мы еще не слышали вместе? – спросила Энн.

– Я надеюсь, – подчеркнуто сказала Шарлотта, – что вы встретите Мэтти и сможете еще раз оценить, как ей живется в Честер Грейндж. И, может быть, пока ты будешь искать свидетельства несчастья в комнате его жены, Честер разговорится с человеком, повидавшим свет, с доктором медицины, и откроет ему что-нибудь новое о своей ситуации. И это подскажет нам, какой шаг предпринять дальше...

– Я бы сказала, что Бренуэлл повидал не столько свет, сколько пивные по всему свету, – буркнула Эмили и ткнула брата локтем, а тот ответил ей тем же.

– И, если ты все же настаиваешь на том, чтобы взять с собой Энн, – обратилась к Бренуэллу Шарлотта, – то мне придется идти с Эмили в деревню и там упражняться в очаровании, остроумии и добродушии, в надежде расположить к себе местных.

– В таком случае, – отвечал тот, – рекомендую начать с местного паба. Подвыпивших людей провести легче.

Глава 9. Энн

– Мы никого не ждем, – заявила миссис Кроули, едва открыв дверь, и со своей обычной теплотой и радушием зыркнула на рыжеволосого молодого джентльмена и его юную спутницу. Энн уже замечала, что в разговоре она всегда держала голову чуть повернутой, пряча обезображенную сторону лица – возможно, она поступала так бессознательно, и все же этот жест сообщал характеру этой властной, безжалостной женщины некую толику человечности.

– Конечно, нет, дорогая леди. – Бренуэлл улыбнулся и поклонился, снимая шляпу одним отточенным движением. – Но, может быть, мистер Честер не откажется уделить мне всего одну минуту? Меня зовут Патрик Хардуэлл, мадам, я врач, в этих местах недавно, только начинаю практиковать. Мы с сестрой хотим лишь представиться всем почтенным семьям в этих местах.

Взгляд миссис Кроули скользнул по Энн, так надолго задержавшись на расплывчатом пятне за темной вуалью, что девушке стало немного не по себе. Весь вечер накануне они с сестрами добавляли к вдовьей вуали слой за слоем, но Энн все равно не была уверена в том, что ее не узнают. Как и в своих чувствах по поводу возможного раскрытия ее инкогнито: восторг мешался в ней с ужасом, и только сейчас она поняла – последний определенно выигрывает.

– Мы никого не принимаем, – повторила миссис Кроули. – И вы наверняка знаете почему, и так же наверняка пришли сюда с надеждой – вдруг да удастся поглазеть на место, где бедную молодую женщину похитили прямо из собственной постели?

– Дорогая леди. – Бренуэлл убедительно изобразил шок и уязвленное самолюбие одновременно. – Мы с сестрой ничего даже не слышали о подобном исчезновении – мы пришли лишь засвидетельствовать наше почтение. – И он небрежно показал на сестру рукой. – Моя бедная сестра недавно овдовела, образования у нее нет, умом она тоже не блещет, зато простодушна и мила и совсем не обладает склонностью к досужим сплетням.

Энн под плотной вуалью медленно закипала, в ее голове уже роились планы скорой и кровавой расправы над старшим братом.

Миссис Кроули подумала и сделала шаг в сторону, пропуская их в дом.

– Вы – человек ученый, врач, а мистер Честер в последние дни сам не свой от беспокойства, – только поэтому я вас и впускаю, но не удивляйтесь, если ему вздумается вышвырнуть вас вон пинком под зад.

– Всего несколько минут его времени – о большем я и не прошу. – Бренуэлл снова поклонился, но миссис Кроули только фыркнула, повернулась и пошла прочь.

– Я ей понравился, сразу видно, – улыбнулся Бренуэлл, приглаживая волосы и поправляя очки.

Откуда-то из глубины дома показались два пса Честера и пошли к посетителям, но, не дойдя до них нескольких шагов, встали, оскалились и негромко, угрожающе зарычали.

– А я отменный враль, верно? – сказал Бренуэлл и, нервно помахав рукой псам, добавил: – Добрые свирепые песики, не убивайте меня, ладно?

– Будь ты отменным вралем, – буркнула Энн, – я бы сейчас была гувернанткой в Торп Грин.

– Какой роскошный дом, – продолжал Бренуэлл как ни в чем не бывало, словно замечание Энн не коснулось его ушей. – Готов поспорить, коллекция вин здесь превосходная.

– Бренуэлл, думай лучше о цели нашего визита, – напомнила ему Энн. – Иногда ты бываешь так похож на Эмили: тоже готов принять любую свою фантазию за реальность; это слабость, от которой ты должен избавиться, если хочешь когда-нибудь стать независимым человеком.

– Зато фантазии намного приятнее правды, – то ли вздохнул, то ли улыбнулся Бренуэлл. – Разве тебе самой не было безумно скучно в Торп Грин? И разве ты сама, представься тебе такая возможность, не искала бы развлечения так же, как и я? И разве кто-нибудь на моем месте не рискнул бы предположить, что я заслужил твою вечную благодарность уже тем, что освободил тебя от рабства?

Энн было что ответить на это заявление брата, однако ее ответ требовал времени, которого у нее как раз не было. Поэтому она лишь вздохнула под вуалью и несколько раз подняла и опустила ногу, стучая каблуком в пол с равномерностью метронома.

– Утихни, женщина, – не выдержал Бренуэлл. – Помни: ты простодушная и милая. В тебе воплощены лучшие качества женщины: послушание и кротость.

Не в силах больше сдерживаться, Энн неожиданно и сильно пнула брата в голень, – тут как раз вернулась миссис Кроули, и Энн, пользуясь преимуществом невидимости, широко улыбалась, наблюдая, как Бренуэлл закусил губу и выкатил глаза, чтобы не вскрикнуть от боли.

– Он вас примет, – сказала миссис Кроули, без долгих церемоний развернулась на каблуках и повела их в кабинет. Честера они застали за письменным столом – таким большим, что, окажись он в крошечной столовой их дома, то занял бы ее всю, от стены до стены, – над ним витали облака дыма, а по обитой кожей

столешнице были разбросаны бумаги. На стене за спиной хозяина дома висел большой портрет очень красивой женщины в синем бархатном платье, щедро осыпанном бриллиантами, с большим рубиновым перстнем на пальце; она держала за руку мальчика лет двух. Глядя в ее печальные голубые глаза, которые, казалось, видели ее даже сквозь вуаль, Энн сразу подумала, что это наверняка первая миссис Честер, Имоджен, – на прекрасном лице женщины была написана такая скорбь, словно она предвидела свой горький конец. Сидя спиной к портрету, Честер держал в руке бокал, до краев наполненный темно-золотым напитком с красноватым отливом – наверняка не вином, в этом Энн была готова поклясться. Бренуэлл облизнулся.

– Мистер...? – обратился Честер к Бренуэллу, не достаивая Энн взглядом.

– Хардуэлл, сэр. – Бренуэлл протянул руку, и мужчины обменялись крепким рукопожатием через стол. – Я бы сказал, что очень рад нашему знакомству, но, насколько я понимаю, совсем недавно вы стали жертвой неблагоприятных обстоятельств.

– Кроули говорит, вы доктор – какой именно?

– Э... а... медицины. – Бренуэлл кивнул с большой серьезностью.

– Скажите, вы что-нибудь знаете о том, как работает мозг человека?

– Разумеется, сэр. Ведь это моя специальность.

Энн пришло в голову, что скорость, с которой ее брат плетет разные байки, воистину достойна удивления, и, напротив, нет ничего удивительного в том, что и хозяин, и гость ведут себя так, словно они одни в комнате.

– Я совсем растерялся, Хардуэлл, – сказал Честер сиплым от волнения голосом. – Не знаю, что предпринять. Два дня и две ночи прошло с тех пор, как моя жена исчезла при самых пугающих обстоятельствах, и до сих пор не найден ни ее след, ни подозреваемый, на кого можно было бы возложить вину. А я... – Энн внимательно наблюдала за ним, когда он запустил пальцы в свою густую шевелюру. – Я просто схожу с ума от беспокойства, Хардуэлл. Что мне сделать, чем успокоить свой мозг?

– Сэр, – Бренуэлл опустился на стул напротив Честера, оставив сестру стоять рядом с собой, – лучший целитель утомленного мозга, который я знаю, – это сон, а если он бежит вашего ложа, то запаситесь лауданумом[3 - Лауданум – спиртовая настойка опиума.]: в Хоэрте на такой случай есть превосходный аптекарь. Обратитесь к нему, назовите мое имя, и он изготовит вам настойку, одна-две капли которой вернут вам здоровый сон.

– Одна-две капли мне не помогут, – рявкнул Честер. – Количество лауданума, которое может меня усыпить, почти равно тому количеству, которое может меня убить, и даже виски почти не помогает – так меня закалил порок. – Энн вздрогнула, когда он запустил недопитым бокалом в камин, где пламя на миг вспыхнуло ярче и тут же опало. Спрятав руки в складки юбки, девушка стояла, кротко опустив голову, однако ее глаза из-под вуали следили за каждым жестом хозяина дома, за сменой выражений на его лице. Она сразу заметила несоответствие в его поведении: широкие театральные жесты сопровождались хитрыми, расчетливыми взглядами – следовательно, в чем-то он играл, представлялся.

– Тогда, может быть, высказать вслух те мысли, которые не дают вам покоя? Демоны, которые снедают нас изнутри, ничего не боятся так, как яркого света, – жизнерадостно предложил Бренуэлл.

– Еще чего. – Честер состроил недовольную гримасу. – Что я, слюняй или юбка, чтобы плакаться?

– Я лишь осмелился предположить, что...

– Скажите... – Честер умолк, отодвинулся к спинке кресла и погрузился в уныние столь тяжелое, что можно было видеть, как оно давит ему на плечи. – Вам когда-нибудь приходилось слышать, чтобы человек напился и под влиянием алкоголя совсем утратил память о событиях нескольких часов, последовавших за этим?

– Каждый божий день! – воскликнул Бренуэлл с энтузиазмом, ибо в этом отношении он и сам был настоящий эксперт. – Пьяный человек может наговорить разного, подраться и даже отведать определенных «утех», – тут он понизил голос, – а выспавшись, ничего не вспомнить об этом. Таков, к сожалению, удел всех пьяниц.

– А почему вы спрашиваете, сэр? – вырвалось у Энн раньше, чем она успела опомниться, до того она беспокоилась, что Бренуэлл упустит этот важный момент.

– Не ваше дело, мадам, – ответил Честер и резко встал. – Раз уж вы здесь, я хочу взглянуть на детей. Им сейчас тоже тяжело, и я не хочу, чтобы какая-нибудь болезнь привязалась к ним, пока они так огорчены.

– Конечно, сэр, – почту за честь.

– Френч! – Через открытую дверь Честер заметил в коридоре Мэтти и сделал ей знак войти. Увидев Бренуэлла, она открыла от изумления рот, а когда ее взгляд упал на Энн, она едва их не выдала. Но, вовремя сообразив, что здесь какая-то хитрость, девушка вмиг справилась с собой, и Энн с облегчением перевела дух – настолько, насколько ей позволяла густая вуаль.

– Патрик Хардуэлл к вашим услугам. – Бренуэлл отвесил Мэтти поклон.

– Матильда Френч, – нерешительно ответила та и сделала ему книксен.

– Где дети? – спросил ее Честер.

– Спят, сэр, – ответила гувернантка, глядя в пол. – Как всегда в это время дня.

– Хорошо, отведите к ним доктора Хардуэлла и его сестру, сейчас.

– Сэр... – Матильда снова присела, а затем не поднимала глаз от пола до тех пор, пока не отвела Бренуэлла и Энн подальше от кабинета хозяина, а заодно и от чужих глаз и ушей.

– Как, ради всего святого, вы сюда попали? Бренуэлл? И ты, Энн, ведь это же ты?

– Да, я, – сказала Энн и крепко обняла Матильду. – Мы здесь с тайной миссией, Мэтти. Ищем ключи и улики.

– Не знаю, к чему все это, – ответила та и озадаченно встряхнула головой. – Что вы здесь рассчитываете найти?

– Пока не найдем, не узнаем, – сказала Энн. – Покажи нам дом, насколько сможешь.

Глава 10. Шарлотта

– Не уверена, что мы сделали стратегически верный шаг, – сказала Шарлотта, заглядывая в окно пивной с улицы. Разглядеть в подслеповатое окошко, что делается внутри приземистого деревянного домишки, помнившего еще, вероятно, королеву Елизавету, было невозможно, да и незачем – что бы там ни происходило, воспитанной молодой особе не полагалось ни видеть этого, ни слышать. – И вообще, в этот час дня жителям деревни положено работать, а не проводить время в питейном заведении, разве нет?

– А Бренуэлл работает? – вопросом на вопрос ответила Эмили.

– Бренуэлл, по всей видимости, ни на одной работе не может удержаться надолго, – вздохнула Шарлотта.

– В общем, я внутрь не пойду, – решительно сказала Эмили. – Подожду лучше здесь. Или вернусь домой. Вернусь домой и подожду новостей.

– Каких новостей? – посмотрела на нее Шарлотта.

– Каких-нибудь? – с робкой надеждой ответила Эмили.

– Боюсь, что нет, Эмили, – нельзя участвовать в нашем предприятии, только когда у тебя есть настроение. Если уж ты решила стать детективом, то будь готова к опасностям и испытаниям.

– Я не против опасностей, – отозвалась Эмили. – Благовоспитанный разговор – вот самое страшное испытание для меня.

– Думай о нем не как о цели, но о средстве, – сказала Шарлотта. – Мы лишь прикидываемся, будто ведем светскую беседу, на самом деле мы опрашиваем

свидетелей.

– Звучит заманчиво, – вынуждена была согласиться Эмили.

– Как бы то ни было, главное в нашем деле – не привлекать лишнего внимания, – сказала Шарлотта, озираясь в поисках более подходящего места. – Почему бы нам не зайти для начала в лавку мануфактуры, поглядеть, нет ли у них какой интересной материи, а заодно и посплетничать, – портнихи ведь все обо всех знают, верно?

Не дожидаясь согласия сестры, Шарлотта просунула руку Эмили под локоть и зашагала с ней дальше. Как ей ни хотелось остаться незамеченной, все же они с сестрой составляли слишком необычную пару, чтобы на них не глазели, пока они шли по крутым улицам Арунтонна, цокая патенами по булыжной мостовой. Нелепость их положения заключалась в том, что, будь они поодиночке, ни один досужий зевака не взглянул бы в их сторону дважды, но рядом они являли такой контраст и в походке, и в росте, что люди поневоле заглядывались на них.

Меж ними была невидимая, неопределимая, но сущностная связь. Даже в дисгармоничном сплетении их рук разной длины и в разное качающихся бедер читалась глубоко укоренившаяся близость. И неудивительно, ведь именно друг с другом, а не с кем-либо еще из своего возлюбленного семейства Шарлотта и Эмили обычно делали шаги в неведомое. Вместе они выжили в страшной школе Кован Бридж, вместе затем учительствовали и учились в Роу Хэд, позже помогали друг другу не сойти с ума в пансионате Эгера в Брюсселе, где справлялись с трудностями и нагрузками, деля их тяготы на двоих изо дня в день. И, возможно, именно Эмили была главным утешением Шарлотты, когда та отдала свое сердце их нанимателю, мсье Эгеру. Теперь они почти не говорили о тех трудных месяцах, но тогда именно сильная натура Эмили и ее независимый характер помогли Шарлотте выстоять. Даже вернувшись домой, Эмили продолжала быть единственной наперсницей Шарлотты, и никто, кроме нее, не знал, какие глубокие корни пустило в сердце сестры ее отвергнутое чувство. И теперь, когда брюссельские дни уходили все дальше в прошлое, Эмили осталась единственным свидетелем той жизни; она была живым подтверждением реальности произошедшего с Шарлоттой, только она могла сказать: «Да, все так и было. Я знаю это, потому что я все видела. Ты не сошла с ума».

Шарлотта же, сама того не подозревая, была для Эмили маяком, идя на свет которого та вынуждена была раскрывать свою драгоценную, ревниво

оберегаемую тайну: свой талант, тот дар, от которого захватывало дух.

Вот почему сестры доверяли друг другу и почему меж ними царило согласие, благодаря которому из двух непохожих половинок возникало гармоничное целое. И, взявшись за новое для себя дело – расследование, – они действовали как обычно: дразнили, доводили одна другую почти до бешенства, но всегда хранили верность друг другу.

Колокольчик зазвенел, когда они входили в лавку.

– Добрый день, леди. – Их приветствовала приятная особа, чьи серо-седые волосы были аккуратно убраны под чепец. Она напомнила Шарлотте тетушку Бренуэлл, по которой та отчаянно скучала. – Я миссис Харди, а вы, должно быть, приехали к нам с визитом?

Магазин был маленький, но очень милый: широкий стол для раскройки тканей, служивший заодно и прилавком, делил его пополам, на полках, устроенных вдоль всей высоты стен, лежали штуки тканей; выбор был невелик, но некоторые образцы выглядели более чем прилично, в особенности один гладкий шелк с медным отливом, который сразу заметила Шарлотта. Но, судя по тому, какая работа лежала перед хозяйкой на столе, мастерская жила в основном за счет починки старого и перелицовки ношеного – умений, в которых все девушки семейства Бронте поднатрели так, что достигли уровня искусства.

– Добрый день, да, мы из Хоэрта, а сюда заехали на день, – улыбнулась Шарлотта, стараясь не выдавать информации больше, чем того требовало простое приличие. – У нас с сестрой появилось немного свободного времени, вот мы и решили зайти к вам, взглянуть на ткани. Мы очень интересуемся новинками.

– Что ж, у нас здесь немало расцветок, а если чего-то нет, то нам привозят на заказ, – с гордостью отвечала миссис Харди. – Я слежу за модами Парижа и Лондона, ведь и наши йоркширские девушки ничуть не хуже городских модниц, а то и получше будут, верно?

– В самом деле, – согласилась Шарлотта, разглядывая миссис Харди. Трудлюбивая и аккуратная, она была воплощением самостоятельной йоркширской женщины. Таких женщин Шарлотта хорошо понимала, ведь она

знала их всю свою жизнь. А еще она видела, что, хотя магазинчик миссис Харди невелик, ее знания моды весьма обширны и относится она к ней со страстью. Значит, стоит потрудиться, чтобы вызвать к себе доверие хозяйки. – Скажите, пожалуйста, какие фасоны рукавов сейчас особенно в моде? Мне бы очень хотелось знать ваше просвещенное мнение.

Пока Шарлотта говорила, Эмили повернулась к ней и к миссис Харди спиной и пошла вдоль полок, проводя пальцами по штукам материи, внимательно вглядываясь в них, ища в них очертания лиц и зачины историй, пока вдруг не замешкалась. Оглянувшись на нее, Шарлотта сразу поняла, что сестра уже не с ними, а в другом мире – по крайней мере, в ту минуту.

– О-о, – протянула Шарлотта, и ее глаза вспыхнули при виде рисунка новейшего платья с длинными прилегающими рукавами, чуть присборенными на запястьях. – Какая приятная линия горла. Вам часто заказывают красивые платья? Я вижу, что вы замечательно кроите.

– Самые красивые платья я шила для второй миссис Честер, – с самодовольной гордостью сказала миссис Харди. – Не подвенечное, конечно, то привезли из Лидса, но ее приданое шила я. И ткани были прекрасные, и модели самые новые, ведь она была очень требовательная молодая леди, и такая красавица.

– Была? – переспросила Шарлотта, стараясь не напирать особенно на это слово.

– Мы уже давно не видели миссис Честер в деревне, – сказала миссис Харди, и Шарлотта почувствовала, как та буквально физически заставляя себя повернуться спиной к возможности вдоволь посудачить с незнакомкой. – Да и вряд ли увидим. Больше я не скажу ни слова, иначе это будет неприлично с моей стороны.

– Конечно, мы ведь и сами из маленькой деревни, наш отец пастор. Так что я хорошо понимаю всю важность молчания.

– Так вы дочки пастора? – Миссис Харди улыбнулась. – Тяжелая это жизнь для молодых девушек.

– Мы справляемся. – Шарлотта слегка добавила местного акцента. – Правду сказать, мы уже слышали о неприятностях в Честер Грейндж. Такое огорчение,

просто ужас.

– В самом деле. – Миссис Харди пожевала губами, старательно избегая взгляда Шарлотты.

– Но надежда, кажется, все же есть, не правда ли? – Шарлотта небрежно скользнула кончиками пальцев по уголку штуки винно-красного дамасского шелка – она с большим удовольствием купила бы себе такого на платье, но, увы, обновки были пока недостижимой роскошью для сестер Бронте. – Быть может, Элизабет Честер еще найдется, и все будет хорошо.

– Ничего хорошего никогда не выходило и не выйдет из этого дома, – не выдержала миссис Харди, и ее щеки зарделись от подавляемого гнева, как показалось Шарлотте. – Простите, я в самом деле не могу об этом говорить. Только она была такая красивая и милая, эта леди.

– Есть, – мягко поправила ее Шарлотта. – Пока нам не известна ее судьба, нам следует говорить о ней «есть».

– Может быть, она все-таки убежала, – мрачно продолжала миссис Харди, теребя шелковый лоскут в попытке скрыть свое огорчение. – Но я точно знаю одно – она была добрая, преданная мать и ни за что не бросила бы детишек. Каждое утро они выходили с ними гулять – она и молоденькая мисс Френч. И всегда она держала малыша на руках, а маленького мастера Фрэнсиса вела за ручку и всегда останавливалась показать ему что-нибудь интересное: жука ли или камешек необычный. Бедняжка прямо расцвел от ее ласки да заботы – будь он ее родной сын, она и то не могла бы заботиться о нем больше. Вот почему я просто не могу поверить, чтобы она их бросила. Нет, ни за что. Даже ради... нет.

Шарлотта заметила ее оговорку, но настаивать ни на чем не стала. Если хочешь, чтобы человек разговорился, дай ему время.

– До чего же страшно думать, что вокруг, может быть, бродит сумасшедший, и это он ее похитил, и даже, возможно, держит ее в плену, вот в эту самую минуту!

Миссис Харди огорченно покачала головой, и Шарлотта почти физически ощутила, каких усилий стоило пожилой женщине сдерживать поток слов,

готовых прорвать плотину ее сомкнутых губ.

Шарлотта подалась вперед и накрыла руку женщины своей ладонью – этот жест означал безмолвное обещание сохранить все, что та скажет, в тайне. Устремив на хозяйку магазина пронзительный взгляд своих ясных глаз, девушка смотрела на нее, пока та не сдалась и не заговорила. Это был один из любимых трюков Шарлотты – она могла вытянуть любую историю из кого угодно, стоило ей только захотеть, и люди говорили с ней, верили ей. Лишь те, к кому она сама относилась с глубоким почтением, да еще родные ей люди были неподвластны ее чарам.

– Возможно, у вас есть свое объяснение тому, что случилось?

– Что ж, ни для кого не секрет, что его первая жена наложила на себя руки. – Портниха заговорила шепотом, как будто и впрямь открывала Шарлотте тайну. – И двух лет с мужем не прожила, вот как. В те времена – уж, почитай, лет пять тому назад – в Честер Грейндж держали больше слуг, и я была среди из них. Я видела, как несли ее тело – обмякшее, как у тряпичной куклы. Страшное это было зрелище, и я его никогда не забуду. Бедная женщина. Имоджен Честер тоже была хорошей женщиной. Когда она появилась у нас в деревне, мы надеялись, что теперь дела в Честер Грейндж пойдут на лад. Она со всеми нами познакомилась, к каждому обращалась по имени, справлялась о здоровье, больным детям посылала лекарства... и так гордилась малышом Фрэнсисом – но она была хрупкой, нежной, как органза. Конечно, если бы ее любили, она бы жила, но с ней, бедняжкой, обошлись так плохо. Жестокость ее убила, а я, стоило мне увидеть вторую жену, сразу поняла – он и ее сживет со свету. Она была такая молоденькая, тоненькая, ну что твоя тростинка. А он такой жестокий мужлан, грубая скотина. А еще однажды я видела...

Миссис Харди осеклась.

– Что вы видели? – мягко подсказала ей Шарлотта.

– Честер – здешний землевладелец, мисс. – Миссис Харди отвернулась от Шарлотты. – Больше я ничего не скажу.

– Вам нечего бояться нас, мадам, – заверила ее Шарлотта с улыбкой.

– Дело в том, что...

– Пожалуй, я возьму у вас ткани, – услышали они голос Эмили, которая как раз положила на прилавок штуку материи и развернула ее на длину руки. – На повседневное платье.

– Вот этой? – Шарлотта поглядела на ткань, приподняв брови.

– Разве она не великолепна? – просияла Эмили, шаря по карманам в поисках монет.

Шарлотте не хотелось при миссис Харди обсуждать вопрос об их общей нехватке средств, но она все же послала Эмили долгий и строгий взгляд, который, как она надеялась, в должной мере выражал ее тревогу. Но Эмили как была, так и осталась одной из тех немногих, на кого совершенно не действовали убийственные взгляды Шарлотты, как, впрочем, и иные. Она выложила монеты на прилавок, отсчитала нужное их количество и, довольная, улыбнулась.

– Сплошь грозовые тучи и молнии, – сказала Шарлотта, рассматривая причудливый рисунок на ткани, столь же нездешний и дикий, как сама Эмили. – Не припоминаю, чтобы я хотя бы раз видела платье такой расцветки.

– Вот именно, а уж то, что я сошью из этой ткани, будет похоже на бурю, – ответила счастливая Эмили, улыбаясь миссис Харди, которую, кажется, только заметила. – У вас есть доставка?

– Миссис Харди, вы хотели что-то сказать? – напомнила Шарлотта хозяйке, пока та заворачивала отрез.

– Мне нечего больше сказать. – Миссис Харди снова закрылась, словно ромашка на лугу в пасмурный день. – Кроме того, что правда все равно выйдет наружу. Так или иначе, она всегда узнается.

Шарлотта отошла от прилавка, оставив Эмили рассчитывать за покупку. Ах, если бы миссис Харди успела тогда закончить фразу! Но как теперь вызвать ее на тот разговор, чтобы не пробудить ее подозрений?

– Что вы видели в тот день? – услышала она прямой вопрос Эмили и увидела, как часто заморгала миссис Харди. – Вы ведь хотели рассказать моей сестре, что вы тогда видели, и это может иметь отношение к судьбе Элизабет Честер, разве нет? Так что это было?

Милая Эмили, обходные пути ей не знакомы.

– Я забирала работу у швей в деревне, – сказала миссис Харди. – Дело было в мае. Стоял такой славный день, и я решила пройти краем рощи Честеров, полюбоваться на последние пролески. Там я на нее и наткнулась.

– На кого? Элизабет Честер? – уточнила Эмили.

– Да. – Миссис Харди кивнула. – Ее держал в объятиях мужчина, который точно не был ее мужем.

Глава 11. Энн

– Вот здесь детская, которая, как вы видите, примыкает к моей спальне, – шепотом поясняла Мэтти, ведя Бренуэллу и Энн по площадке второго этажа. – Что меня больше всего... озадачивает – так это почему, какой бы шум или холод ни был в доме ночью – а здесь часто по ночами что-то гремит, скрипит, хлопает, или вдруг станет так холодно, что дрожь берет – так вот, почему ничего этого никогда, понимаете, никогда, не чувствуется в детской. Бывает, у меня под дверью вдруг что-то как заскребется, я вскакиваю и бегу к ним, проверить, как они, и всегда обнаруживаю, что у них в комнате тепло и тихо.

– Словно в убежище, – задумчиво сказала Энн. – Под защитой...

Энн оглядела комнату Мэтти – не то чтобы неудобную, но какую-то запущенную и холодную. Кровать под затасканным балдахином выглядела столетней, и ничего вокруг – кроме, пожалуй, стопки зачитанных романов да жалкой горстки безделушек, которые хранились в ракушке какого-то моллюска – не напоминало о самой Матильде Френч. В такой комнате, как эта, могла жить любая гувернантка в любом доме – Энн и сама жила в похожей комнате в Торп Грин.

Вдруг она представила себе множество женщин: безликие, невостребованные, они легко сменяли одна другую и ни для кого не были важны; они не обладали ни красотой, ни молодостью, ни знатностью, ни богатством, а значит, с ними не надо было считаться. И, хотя Энн смирилась с этой судьбой, будь у нее выбор, она ни за что не стала бы гувернанткой сама и не пожелала бы этой стези никому другому: никому, в ком жива душа. Не прислуга и не член семьи, не в аду и не в раю, всем чужая, везде лишняя – Энн готова была взяться за что угодно, лишь бы не возвращаться к этой постылой работе, к безрадостному неблагодарному существованию, вот почему теперь, оглядев комнату Мэтти, ей мучительно захотелось взять ее за руку и увести туда, где ее дом, где ей будут рады. Однако задача содержать себя и вносить посильный вклад в благосостояние семьи стояла и перед ней, а потому судьба казалась ей неизбежной.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Перевод Фриды Шутман.

2

Патены – накладные деревянные высокие подошвы для ходьбы по грязи.

Лауданум – спиртовая настойка опиума.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ellis_bella/propavshaya-nevesta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)